

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.Н. Глубоковский

**Учение св. Апостола Павла
о загробной жизни и
воскресении мертвых**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1899. № 4. С. 712-754.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

УЧЕНИЕ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

о загробной жизни и воскресеніи мертвыхъ.

Эсхатологическое учение св. Апостола Павла по связи съ сотериологическимъ и генетическія предположенія объ іудейскомъ его происхожденіи. — Значеніе и смыслъ даннаго пункта въ апостольской «системѣ» и въ раввинской теологіи. — Вопросъ о «парусіи», какъ переходящемъ моментъ въ догматическомъ созерцаніи благовѣстника, и несправедливость этого мнѣнія, ибо 1) въ эсхатогіи св. Павла не замѣчается «радикальной трансформациі» подъ вліяніемъ житейско-миссіонерскихъ разочарованій, такъ какъ 2) онъ не признавалъ окончательнаго посмертнаго ублаженія прямо за могилой 3) при непосредственномъ воспріятіи вѣчнаго небеснаго тѣла; характеръ парусійныхъ ожиданій въ первенствующей Церкви и ихъ догматическое достоинство въ раскрытіи, обоснованіи и примѣненіи у Апостола языковъ. — Истина воскресенія и его универсальность съ разсмотрѣніемъ мысли защитниковъ теоріи «условнаго (факультативнаго) безсмертія» объ уничтоженіи самого бытія грѣшниковъ и съ опроверженіемъ хилиастическихъ интерпретацій. — Качественныя свойства воскресенія съ устраненіемъ гипотезъ объ особой «пневматической матеріальности» оживотворенныхъ, съ обезпеченіемъ физическаго возстановленія и выясненіемъ его природы. — Сущность апостольской эсхатологіи по сравненію съ іудейскими мечтаніями и ея догматическая авторитетность.

ИУДЕЙСКАЯ праведность покоилась на чисто номистическихъ началахъ и отличалась такимъ характеромъ, что ея свойствами необходимо и неизбѣжно предрѣшалась вся будущая судьба каждаго потомка Авраамова. Своими подвигами онъ самъ себѣ устраивалъ спасеніе, которое обязательно должно было сопровождаться соотвѣтственнымъ бла-

женством¹⁾). Поелику же законническая добродѣтель создавалась на личномъ и самобытномъ усердіи, — отсюда естественно вытекало, что и вознагражденіе не могло выходить за границы индивидуальнаго существованія. Однако фактическое положеніе народа Божія всего менѣе совпадало съ этими требованіями и часто было живымъ отрицаніемъ ихъ. Неудивительно, что благочестивая душа Израильтянина переносила свои надежды въ невѣдомую даль, гдѣ она имѣла получить заслуженную компенсацію. Въ религіозномъ сознаніи обрисовывается довольно рѣзкое противорѣчіе. „Можно сказать, что Израиль оказывался между небомъ и землею. За свою вѣрность закону онъ въ будущемъ ожидалъ для себя всего, а въ бывающемъ ничего или только очень немногаго. Онъ смотрѣлъ въ потустороннюю область и не былъ тамошнимъ, — пребывалъ въ здѣшнемъ мірѣ и оборачивался къ нему спиной“²⁾). Въ такомъ безысходномъ разладѣ единственнымъ примирителемъ всѣхъ тягостныхъ антиномій являлся Мессія, ибо на этомъ больше всего держалась и самая вѣра въ него. Главнѣйшею цѣлію всего искупительнаго дѣла было именно обезпеченіе непреходящей славы для всѣхъ ревностныхъ номистовъ, которые отнынѣ незыблемо ограждались въ своемъ благоденствіи. Значить, іудейское разумѣніе праведности опре-

¹⁾ До какой степени было необходимо подобное вознагражденіе, — это видно изъ того, что іудейскіе праведники иногда восхищались въ рай (см. прим. 13-е въ главѣ 4-й трактата II-го на стрн. 284 и ср. еще *M. Friedländer*, *Der vorchristliche jüdische Gnosticismus*, Göttingen 1898, S. 101; *Alfred Edersheim*, *The Life and Times of Jesus the Messiah I*, London 1884, p. 50, s. 106, и по переводу священника М. П. Оивейскаго на стрн. 63, s. 135, и не рѣдко (— по примѣру р. Еліэзера бен-Гирканоса —) еще на землѣ сіяли ярче солнца, почему «Богъ передалъ въ руки общества Израилева истолкованіе и примѣненіе закона». Въ талмудическихъ источникахъ высказывается по сему предмету слѣдующее: «Святѣйшій — да будетъ Онъ благословенъ! — отмѣняетъ (и лишаетъ дѣйственности) Свое постановленіе по причинѣ рѣшенія праведника». «Я (Богъ) господствую надъ людьми; кто господствуетъ надо Мною? — Праведный, ибо Я опредѣляю, а онъ упраздняетъ». «Если Я (Богъ) говорю такъ, но ты иначе, то твое слово имѣетъ силу, Мое же нѣтъ». См. *Die Worte Jesu mit Berücksichtigung des nachkanonischen jüdischen Schrifttums und der aramäischen Sprache* erörtert von Prof. *Gustaf H. Dalman*. Band I. Einleitung und wichtige Begriffe nebst Anhang: Messianische Texte. Lpzg 1898. S. 144. 175.

²⁾ Doc. *Eugen Ehrhardt*, *Der Grundcharakter der Ethik Jesu*, Freiburg i. B. und Leipzig 1895, S. 35.

дѣляло собою мессіанскія чаянія, а въ послѣднихъ заключалось окончательное рѣшеніе участи всѣхъ людей на вѣки. По этой причинѣ „христология и эсхатология были тождественны въ іудейской теологіи“ ³⁾. Въ равной мѣрѣ подобная связь несомнѣнна и для христіанства. Въ немъ все утверждается на божественной личности Избавителя. Будучи завершителемъ прежняго міропорядка, Онъ съ абсолютною непреложностію предначертываетъ все дальнѣйшее теченіе новаго благодатнаго строя ⁴⁾. Въ Немъ путь всей земли, и ея исторія со всѣмъ живущимъ на ней не допускаетъ никакихъ произвольныхъ колебаній. Христіанское настоящее есть лишь отблескъ непрерывнаго въ грядущемъ, которое уже содержится въ первомъ и возникаетъ изъ него.

Ясно теперь, что—и для сыновъ завѣта и для исповѣдниковъ Распятаго—„имя «Христосъ» было эсхатологическимъ понятіемъ“ ⁵⁾. Вслѣдствіе этого извѣстное воззрѣніе по предмету собственно мессіанскаго ученія св. Павла въ меньшей степени примѣнимо и къ эсхатологическимъ упованіямъ его въ антропологіи ⁶⁾. И если тамъ признается генетическая зависимость отъ раввинистическихъ теоремъ, то и въ второмъ случаѣ мы будемъ вынуждены принять іудейско-фарисейскіе источники въ качествѣ основной и производящей стихіи апостольскаго благовѣстія касательно конечнаго предназначенія человѣчества. Логическая неумолимость даннаго вывода критики тѣмъ строже, что и вообще вѣра первыхъ христіанъ въ

³⁾ (Prof.) Dr. Ed. Zeller, Studien zur neutestamentlichen Theologie вѣ „Theologische Jahrbücher“ II (Tübingen 1843), 1, S. 47.

⁴⁾ Ср. у Prof. Leonhard Atzberger (Geschichte der christlichen Eschatologie innerhalb der vorchristlichen Zeit. Mit theilweiser Einbeziehung der Lehre vom christlichen Heil überhaupt. Freiburg im Breisgau 1896. S. 1): «in den Ereignissen und Zuständen, über welche die geoffenbarte Eschatologie Aufschluss giebt, die ganze göttliche Heilswirtschaft sich gewissermassen concentrirt, durch sie in einfachster und zugleich vollendester Weise in die Erscheinung tritt und auf sie wie auf ihre Ziel- und Ruhepunkte hinausstrebt».

⁵⁾ Die Eschatologie des Paulus in ihren Zusammenhängen mit dem Gesamtbegriff des Paulinismus dargestellt von Lic. Rich. Kabisch, Göttingen 1893, S. 4.

⁶⁾ См. Orello Cone, Paul the Man, the Missionary, and the Teacher, London 1898, p. 16: «По связи съ доктриною Мессіи—фарисейское ученіе насчетъ будущаго конца міра, эсхатологіи и учрежденія мессіанскаго царства произвело, повидимому, самое неизгладимое впечатлѣніе на Павла».

воскресеніе было „вѣрою фари́сеевъ“⁷⁾. Савлъ же „былъ воспитанъ въ равинскихъ школахъ и выросъ на наивно чувственныхъ баснях“⁸⁾, а по обращеніи „во всемъ и всегда оставался добрымъ Израильтяниномъ“⁹⁾. Поэтому „христіанскіе догматы о воскресеніи мертвыхъ, послѣднемъ судѣ и воздаяніи—въ существенныхъ чертахъ—сводятся къ Талмуду и мидрашамъ“, которымъ яко бы обязанъ св. Павелъ¹⁰⁾. Всѣ разсматриваемыя доктрины были формулированы фари́сействомъ и изъ него взяты Апостоломъ. Его „система“ образовалась еще при ногахъ Гамалиіла. Разумѣется, она потерпѣла глубокія модификаціи, но и въ новомъ построеніи легко распознать коренные элементы и главныя линіи первичной конструкции. Ходъ мысли Павловой есть ничто иное, какъ прогрессивная трансформация изначальныхъ фари́сейскихъ мнѣній подѣ влияніемъ христіанскаго принципа¹¹⁾. Посему и при сказанномъ преобразованіи мы находимъ лишь унаслѣдованную іудейскую эсхатологію¹²⁾, претворяемую обновленнымъ духомъ эллинскаго благовѣстника. Разница въ этомъ направленіи не идетъ дальше улучшеній, преимущественно теоретическихъ и иногда совершенно неожиданныхъ, возникавшихъ подѣ воздѣйствіемъ опытовъ жизни и миссіонерской практики. „Тщательное сравненіе павлинистическихъ представленій рѣшительно убѣждаетъ въ частичной зависимости Павла отъ понятій, господствовавшихъ въ іудейской литературѣ его времени, но показываютъ также превосходство его собственныхъ концепцій и даетъ историческую почву для возрѣній этого отдѣльнаго человѣка“¹³⁾. При самой лучшей оцѣнкѣ—онъ

⁷⁾ Dr. Abraham Geiger, Urschrift und Uebersetzungen der Bibel, Breslau 1857, S. 180.

⁸⁾ Wilhelm Karl, Beiträge zum Verständnis der soteriologischen Erfahrungen und Spekulationen des Apostels Paulus, Strassburg 1896, S. 5.

⁹⁾ Le problème de l'immortalité par Docteur en théologie E. Petavel-Olliff. Etude précédée d'une lettre de Prof. Charles Secrétan. Tome II. Paris 1892. P. 179.

¹⁰⁾ Prof. Dr. August Wünsche, Der lebensfreudige Jesus der synoptischen Evangelien im Gegensatze zum leidenden Messias der Kirche, Lpzg 1876, S. VII—VIII. Ср. ниже въ прим. 73 на стр. 738.

¹¹⁾ Ср. Prof. Auguste Sabatier, L'Apotre Paul: 2-е éd., Paris 1881, p. 31—32 = 3-е éd. ibid. 1896, p. 34—35. Впредь соотношеніе страницъ обоихъ изданій этой книги будемъ отмѣчать простымъ знакомъ равенства между цифрами.

¹²⁾ Aug. Sabatier ibid., p. 95—96² = 106¹.

¹³⁾ Prof. Ad. Jülicher въ библиографической статьѣ по поводу книги

является продуктомъ своей эпохи, и его личная оригинальность обнаруживается исключительно въ переработкѣ готоваго матеріала ¹⁴⁾.

Здѣсь вполне соблюдена генетическая преемственность въ постепенномъ движеніи религіозныхъ идей, и этимъ заранее гарантируется научное достоинство изложенной попытки, поскольку въ ней сохраняется непрерывная послѣдовательность. Но эта внѣшняя обаятельность не можетъ быть фактически цѣнною безъ нѣкоторыхъ обязательныхъ моментовъ реального характера. Если оба ряда сличаемыхъ ученій родственны между собою по существу и одинъ обуславливается другимъ, то они необходимо должны быть тождественны по своему происхожденію и значенію. Лишь при этомъ условіи всѣ неоспоримыя разности будутъ индивидуальными поправками, не устраниющими единства первоосновы. Отсюда ближайшій вопросъ состоитъ въ томъ, какой смыслъ анализируемый предметъ имѣлъ въ раввинизмѣ и таковы ли опоры его въ благовѣстіи св. Павла?

Мы видѣли, что религіозная жизнь въ фарисействѣ всецѣло исчерпывалась самобытнымъ исполненіемъ законническихъ предписаній. Они же дарованы Богомъ и рассчитаны на благо человѣка. Съ этой стороны въ нихъ несомнѣнно обнаруженіе верховной любви, ради которой раввинская теологія не могла допустить дисгармоніи въ дѣйствіяхъ законополагающей воли божественной и не отрицала помощи Божіей номистическому усердію. Однако это было просто внѣшнимъ воспособленіемъ человѣческой слабости и направлялось къ тому, чтобы сами люди своими усиліями достигали идеальной высоты въ осуществленіи заповѣдей. А послѣднія были неразлучны отъ свойственнаго имъ вознагражденія, почему іудейско-раввинская праведность покоилась на строгомъ и не-

Е. Teichmann'a (см. въ прим. 80 на стр. 742) въ «Zeitschrift für praktische Theologie» XIX. Jahrgang (Frankfurt a. M. 1897), Heft 1 (отъ декабря 1896 г.), S. 91.

¹⁴⁾ Prof. *Édouard Reuss*, Histoire de la théologie chrétienne II (Strasbourg 1852), p. 9: «Легко убѣдиться, что въ вопросѣ о „послѣднихъ вещахъ“ Павелъ почти всецѣло держался идей, принятыхъ тогда въ синагогѣ и у іудео-христіанъ, не имѣя сказать ничего новаго или особеннаго... Однако тщательное и внимательное изслѣдованіе показываетъ, что онъ уже испытывалъ потребность подняться выше іудейскаго матеріализма, который изъ начала возобладалъ въ эсхатологіи Церкви».

разрывномъ возмездіи. Въ такомъ случаѣ съ эсхатологической точки зрѣнія все вліяніе закона замыкалось сферою его фактическаго примѣненія, гдѣ онъ функціонируетъ и гдѣ обнаруживаетъ всю свою энергію. Воздаяніе должно было непосредственно сопровождать всякій этический актъ и въ неумолимой прогрессіи увеличивалось сообразно количеству заслугъ. Тутъ слава была только сіяніемъ номистическаго свѣта и немедленно отражала его со строгою пропорціональнію. На этой почвѣ не могли возникнуть и разрастаться надежды будущаго, потому что оно до точности совпадало съ настоящимъ. Естественно, что для развѣта эсхатологическихъ чаяній тамъ не было мѣста ¹⁵⁾, и они не имѣютъ въ іудействѣ незыблемаго догматическаго фундамента ¹⁶⁾, а вызываются тре-

¹⁵⁾ Даже теперь *C. G. Montefiore* спокойно констатируетъ въ «*The Jewish Quarterly Review*» III, 9 (October, 1890), p. 9 «отсутствие вѣры въ будущую жизнь воздаянія вплоть до Маккавейскаго періода», а *Prof. Oskar Holtzmann* утверждаетъ, что подобное убѣжденіе насчетъ вознагражденія возникло въ іудействѣ только во второмъ вѣкѣ до Р. Хр. и обязано вліянію греческихъ идей (*Neutestamentliche Zeitgeschichte*, Freiburg i. B. und Leipzig 1895, S. 236).

¹⁶⁾ См. въ *Ein Versuch von Doc. Erik Stave*, Ueber den Einfluss des Parsismus auf das Judentum, Haarlem 1898, S. 156—157: «Для знающаго религіозную исторію Израиля не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что ожидаемое утѣшеніе состояло главнымъ образомъ въ продолженіи жизни или въ воскресеніи народа. Народъ не умираетъ, хотя бы индивидуумы послѣдовательно умирали; народъ совсѣмъ не нуждается въ потустороннемъ бытіи: его воскресеніе лежитъ въ области естественнаго и потому идетъ рука объ руку съ вымираніемъ индивидуумовъ, которое не сопровождается для нихъ воскресеніемъ или продолженіемъ существованія. Іудеи жили и трудились для непрерывнаго поддержанія, побѣды и воскресенія всего народа среди поражавшихъ его національныхъ несчастій. Именно этому они вѣровали и на это надѣялись съ энергическимъ упорствомъ, которое имѣетъ въ себѣ нѣчто трогательное, поелику здѣсь индивидуумъ какъ бы забывалъ себя и свою собственную судьбу. Доказательство сему находится въ томъ, что — при всей своей искренности и серьезности — іудейское благочестіе для чаяній безсмертія не обладало специальнымъ обоснованіемъ въ выработанномъ ученіи о душѣ. Въ психологическомъ отношеніи эта религія продолжала стоять на очень примитивной точкѣ зрѣнія» (ср. однако прим. 48-е на стр. 724). Поэтому авторъ думаетъ, что даже «пророки до плѣна ничего не знали объ индивидуальномъ воскресеніи» (S. 162), а у Исаи данная мысль яко бы относится лишь къ благочестивымъ мученикамъ и посредствуется древнею вѣрой на возмездіе въ правосудіи Божіемъ по убѣжденію, что подобные люди должны возстать собственно потому, что Богъ праведенъ (S. 171—172. 172—173). Здѣсь въ детальномъ освѣщеніи

бованиями юридическаго принципа для его огражденія. Формальная притязательность іудейской праведности абсолютно не мирилась съ несоотвѣтствіями реальнаго бытія и вынуждала искать необходимаго ей совпаденія въ новой средѣ, болѣе приспособленной къ началамъ номизма. Разъ же они попирались внѣшними стѣсненіями, тогда оказывалось обязательнымъ допустить иной строй, независимый отъ космическихъ ограниченій ¹⁷⁾. Въ этомъ отношеніи безспорно, что для іудейскаго сознанія все будущее служило лишь неизбѣжнымъ пособіемъ къ сохраненію юридическаго баланса и рѣзко окрашивалось номистическимъ цвѣтомъ. И поелику все ветхозавѣтное домостроительство было собственно дѣтководительствомъ закона, — за этотъ періодъ мы не находимъ яснаго раскрытія идеи безсмертія, которая скорѣе могла ослаблять энергію послушанія и тѣмъ самымъ препятствовала бы достиженію воспитательныхъ цѣлей верховнаго промысла ¹⁸⁾. Поэтому отчетливое выраженіе ея въ книгѣ Іова (XIX, 25 сл.) ¹⁹⁾ связывается съ вѣрою въ божественное правосудіе въ качествѣ единственнаго мыслимаго условія для его торжества ²⁰⁾.

предмета замѣтно немалое преувеличеніе, ибо для Ветхаго Завѣта безпорна надежда на личное безсмертіе (см. и у *Erich von Schrenck*, *Die johanneische Anschauung vom „Leben“ mit Berücksichtigung ihrer Vorgeschichte*, Lpzg 1898, S. 9. 10), но «eine solche staatliche Auferstehung» приписываетъ фарисеямъ и *Dr. E. Grünebaum*, *Die Sittenlehre des Judenthums*, Strassburg 1878, S. 154 и ср. ниже въ прим. 33 на стрн. 722.

¹⁷⁾ Ср. *Dr. H. Graetz*, *Geschichte der Juden* III (Lpzg 1856), S. 89. гдѣ раскрывается фарисейское убѣжденіе, что—при наличности космическихъ ненормальностей въ судьбѣ людей—правда Божія сохраняется не въ теченіе земной жизни, а только по смерти человѣка.

¹⁸⁾ О другихъ причинахъ см. еще у *Rev. Prof. A. Roberts*, *On the Knowledge of a Future State possessed by the Ancient Hebrews* въ «*The Expositor*» 1897, V, p. 377—389, гдѣ разбирается оригинальная теорія еп. Варбуртона, будто Моисей намѣренно не хотѣлъ ничего сообщать о будущей жизни и что этимъ доказывается божественный характеръ ветхозавѣтнаго откровенія, для чего ср. еще у *Ven. J. Hughes-Games*, *On the Nature of the Resurrection Body*, London 1898, p. 9 sequ., и у о. проф. *Т. И. Буткевича*, Борьба съ англійскимъ деизмомъ XVII и XVIII вѣка въ журналѣ «Вѣра и Разумъ» 1899, № 4, стрн. 241—242.

¹⁹⁾ Ср. изслѣдованіе (проф.) *П. А. Юморова*, *Ученіе Ветхаго Завѣта о безсмертіи души и загробной жизни*, Казань 1882, стрн. 140: «Ученіе о единичномъ воскресеніи, какъ потребность личнаго удовлетворенія, въ первый разъ встрѣчается въ книгѣ Іова».

²⁰⁾ См. *Lic. Dr. Paul Gröbler*, *Die Ansichten über Unsterblichkeit und Auferstehung in der jüdischen Literatur der beiden letzten Jahrhunderte*

Но коль скоро и здѣсь чаяніе свящ. писателя посредствуются ближе всего заключеніемъ отъ сознанія ненарушимости права ²¹⁾, то легко было допустить только временное замедленіе ради наилучшаго обезпеченія преизобильнаго благополучія страдальца, какъ это свидѣлствуется къ эпилогѣ, а прологъ еще сильнѣе утверждалъ въ подобномъ убѣжденіи, обнаруживая, что даже самое рѣшительное и необузданное вторженіе лукаваго не въ состояніи поколебать законъ юридической компенсаціи. Неудивительно отсюда, что нѣкоторые ученые не усматриваютъ въ цитованномъ мѣстѣ прямого отношенія къ будущему отдѣльнаго человѣка и думаютъ, будто въ немъ говорится о господствѣ правды Божіей по смерти Іова ²²⁾ и, вообще, независимо отъ индивидуальнаго существованія.

v. Chr. въ «Studien und Kritiken» 1879, 4, S. 654. D. *Paul Kleinert*, Zur Idee des Lebens im Alten Testament *ibid.* 1895, 4, S. 725 (и ср. 730): «Ветхозавѣтное благочестіе достигло своей высоты не чрезъ посредство абстрактной идеи всеобщаго безсмертія, каковая чужда В. З., но во внутреннемъ опытѣ жизненнаго общенія съ Богомъ сердце почерпало твердую увѣренность, что это общеніе должно быть непреходящимъ по причинѣ нерушимости божественной жизни». Prof. *Friedrich Schwally*, Das Leben nach dem Tode, Giessen 1892, S. 112: «Существенное заключается не въ воскресеніи, а въ оправданіи, и первое принимается въ соображеніе лишь въ качествѣ неизбежнаго предположенія для второго. Воскресеніе является только постулатомъ правды Божіей и обезпеченіемъ нравственной личности и—слѣдовательно—мотивируется *этически*».

²¹⁾ *P. Kleinert* въ «Studien und Kritiken» 1895, 4, S. 727: «Die hier (Hiob 19, 25 ff.) ausgesprochene Zuversicht ihre Wurzel nicht in der Gefühlsgewissheit von der Unauflöslichkeit des mit Gott geeintes Lebens hat: es wird ja vielmehr die Zerstörung desselben vorausgesetzt. Sie erwächst vielmehr dem Dichter auf dem Wege der Schlussfolgerung aus der Idee von der Unzerstörbarkeit des Rechts». Далѣе отсюда развивается мысль, что «жизнь съ Богомъ или истинное богопочтеніе носить въ себѣ зародышъ вѣчной жизни» (*Er. Stave*, Ueber den Einfluss des Parsismus auf das Judentum, S. 169),—и такимъ образомъ изложенное сейчасъ возвращеніе примеряется съ тѣмъ, которое указано въ прим. 20 на стр. 718.

²²⁾ См. Die Voraussetzungen der christlichen Lehre von der Unsterblichkeit dargestellt von (Prof.) *Hermann Schultz*, Göttingen 1861, S. 215. 222. Ср. *Er. Stave*, Ueber den Einfluss des Parsismus auf das Judentum, S. 165—166. «Если у Іов. XIX, 25 сл. рѣчь касается лишь надежды получить личное оправданіе, то и главная цѣль ожиданій воскресенія должна состоять именно въ этомъ. А такъ какъ мысль о воскресеніи потомъ совсѣмъ исчезаетъ въ книгѣ, то мы едва ли въ правѣ видѣть

При данномъ положеніи дѣла понятно, что ученіе о безсмертіи—при всей его распространенности—не получило въ іудейской теологіи строго догматической важности. Оно было неизбежнымъ и полезнымъ лишь фактически—для устраненія космическихъ антиномій. И кто не придавалъ имъ такого значенія, тотъ спокойно могъ не тревожиться отдаленнымъ и помышлять только о земномъ безъ особаго опасенія еретическаго измѣнничества завѣту отцовъ. Саддукейство было и типическимъ и логическимъ воплощеніемъ этого настроенія ²³⁾, но въ своемъ номистическомъ консерватизмѣ оно имѣло достаточную защиту своей іудейской корректности. И это тѣмъ болѣе, что древняя доктрина безотраднaго шеола больше возбуждала ужасъ ²⁴⁾, чѣмъ приносила утѣшеніе благочестивой душѣ ²⁵⁾, —и, сохраняя ее во всей первоначальной простотѣ ²⁶⁾, саддукеи послѣдовательно отвергли посмертное воздаяніе ²⁷⁾. И нельзя обвинять ихъ въ произвольномъ отверженіи всѣхъ писаній—за исключеніемъ Пятикнижія. Такое категорическое отрицаніе, несомнѣнное для Самарянъ ²⁸⁾, кажется, ложно

въ данномъ мѣстѣ болѣе побѣдоносно прорывающейся вѣры праведника, что невинность непременно будетъ признана, хотя бы это случилось, можетъ быть, уже послѣ его смерти».

²³⁾ См. Берахотъ IX, 5, гдѣ по критическому переводу *Н. Персферковича* (Талмудъ. Мишна и Тосефта. Томъ первый: книга 1 и 2. Спб. 1899) на стр. 34 сказано: «саддукеи стали учить, что нѣтъ иного міра (нѣка) кромѣ сего».

²⁴⁾ Уже по одному этому нельзя принять критическаго мнѣнія о культѣ умершихъ или душъ у евреевъ, хотя данная мысль несправедлива и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, о чемъ см., напр., въ *eine religionsgeschichtliche Untersuchung von Privatdoz. Johannes Frey, Tod, Seelenglaube und Seelenkult im alten Israel, Lpzg 1898, S. 198. 222.*

²⁵⁾ Ср. *Er. Stave, Ueber den Einfluss des Parsismus auf das Judentum, S. 159—160*: «Жизнь въ шеолѣ есть только призрачное бытіе тѣней, ибо—по возвращеніи къ Богу—духъ больше не имѣетъ никакого индивидуальнаго образа». Это утрированное сужденіе показываетъ, сколь мало утѣшенія можно было находить въ подобной доктринѣ. Ср. ниже прим. 34 на стр. 722.

²⁶⁾ Такъ Prof. *C. Bruston, La vie future d'après l'enseignement de Jésus—Christ, Paris 1890, p. 2*: «Les Sadducéens avaient conservé dans toute sa simplicité l'antique doctrine du Sheôl». Ср. *H. Schultz, Die Voraussetzungen der Unsterblichkeit, S. 245.*

²⁷⁾ См. *O. Holtzmann, Neutestamentliche Zeitgeschichte, S. 28.*

²⁸⁾ *A. Cowley, The Samaritan Doctrine of the Messiah* въ «*The Expositor*» 1895, III, p. 173.

усвояется врагамъ фарисейства ²⁹). Скорѣе будетъ справедливо, что они только соподчиняли закону и ниже его цѣнили пророковъ и агіографы ³⁰), въ чемъ находили себѣ опору, вѣроятно, въ условіяхъ канонизаціи, хотя отношеніе ихъ къ этому предмету не выяснено во всемъ объемѣ ³¹), между тѣмъ оно играло здѣсь существенную роль. Тогда саддукейскіе теоретики оказывались въ согласіи съ номистическими предпосылками ³²) и удовлетворяли фарисейскому убѣжденію, что послѣднихъ не можетъ отмѣнить никакой пророческій авторитетъ—кромѣ развѣ Иліи ³³). Въ результатъ выходитъ, что по смыслу

²⁹) Rev. *Alfred Plummer*, A Critical and Exegetical Commentary on the Gospel according to S. Luke, Edinburgh 1896, p. 467.

³⁰) Rev. *James Denney*, The Sadducees and Immortality (Mark XII. 18—27) въ «The Expositor» 1894, XII, p. 401. Sayings of the Jewish Fathers comprising Pirque Aboth in Hebrew and English with Notes and Excursuses. Second Edition with Additional Notes and a Cairo fragment of Aquila's version of the Old Testament by *Charles Taylor*. Cambridge 1897. P. 107—108. 114. *H. Schultz*, Die Voraussetzungen der Unsterblichkeit, S. 245.

³¹) Всячески невѣроятно странное сужденіе проф. *П. А. Юмєрова* (Ученіе В. З. о безсмертіи души, стрн. III), что «саддукеи могутъ быть признавали посмертное жилище (?) для человѣческаго духа на основаніи Пятикнижія, но не пророковъ и Іова, писанія которыхъ имъ были неизвѣстны (!?)». Думаю, что у автора здѣсь нѣтъ ровно никакого мнѣнія, потому что все дѣло, кажется, въ изумительно неправильномъ переводѣ.

³²) Въ опроверженіи того взгляда, будто саддукеи придерживались только одного Свящ. Писанія, *A. Geiger* заходитъ слишкомъ далеко, когда усматриваетъ въ нихъ лишь представителей древней галахи, считая фарисеевъ носителями галахи прогрессивной (*Urschrift und Uebersetzungen der Bibel*, S. 133 ff.). Противъ данной интерпретаціи см. у *Д-ра Л. Каценельсона*, Фарисеи и Саддукеи въ журналѣ «Восходъ» 1898, VIII, стрн. 90, 4.

³³) См. выше въ главахъ 4 и 3-ей трактата II-го на стрн. 249. 400. Также и *Dr. E. Grünebaum*, Die Sittenlehre des Judenthums, S. 365, почему ученіе св. Павла онъ понимаетъ такъ, будто—по нему—Мессія уничтожаетъ только внѣшніе законы (S. 226), *C. G. Montefiore* обвиняетъ эллинскаго благовѣстника въ прямомъ извращеніи иудейства по данному предмету (*First Impressions of Paul* въ «The Jewish Quarterly Review» VI, 23 [April, 1894], p. 428—429. 437: «an absolut bouleversement of the Jewish conception of the Law». 438. 440—441. 444. 472: «Paul's theory of the Law is in many ways a gross and unjust perversion of the facts»), а *Prof. M. Lazarus* усматриваетъ здѣсь основаніе для мысли, что онъ даже *per nefas* желалъ «быть прежде всего Апостоломъ язычниковъ» (*Die Ethik des Judenthums*, Frankfurt am Main 1898, S. 226, 1). Значить,

номистическихъ требованій саддукеи имѣли немалое библейское оправданіе ³⁴). Безспорно, что „невыполненіе въ земной жизни, — по воззрѣнію Пятюкнижія, — божественнаго правосудія приводитъ (насъ) къ вѣрѣ въ выполненіе его за гробомъ“ ³⁵), но для этого нужно было напередъ окончательно разочароваться въ возобладаніи среди людей правды Божіей. Однако эта мысль сама по себѣ была довольно опасною и не возникала изъ самого существа іудейской догматики. Ея творцы только подъ давленіемъ опытовъ жестокой дѣйствительности вынуждались обращаться къ потустороннему бытію — для спасенія своего закона возмездія. Фарисейская доктрина безсмертія обязана своимъ развитіемъ преимущественно житейскимъ удрученіямъ, была результатомъ плача, рыданія и горя всей израильской исторіи. И Иосифъ Флавій — въ характеристикѣ ученія фарисеевъ — ихъ идеи о безсмертіи душъ прямо связываетъ съ проповѣдію о зависимости всего отъ Бога ³⁶), дабы праведные и злые получили въ подземномъ мірѣ (ὁπὸ ὑπογῶς) награды или наказанія ³⁷). Отсюда же и необходимость воскресенія „была порожденіемъ скорбныхъ временъ“ въ качествѣ средства для возстановленія праведности Божіей, нарушаемой страданіями доблестныхъ героев номистической безупречности ³⁸). Есте-

вѣрно сказано объ іудействѣ (у Prof. G. H. Dalman, Die Worte Jesu I, S. 245), что «erst spätere Zeit hat den Messias zum Ausleger des Gesetzes oder gar zum Mittler einer neuen Thora gemacht».

³⁴) Слишкомъ рѣзко заключеніе W. D. Morrison'a (The Jews under Roman Rule, London 1896, p. 319), будто, совсѣмъ не вѣруя въ будущую жизнь, «саддукеи въ этомъ отношеніи были въ гармоніи съ древнееврейскимъ взглядомъ на состояніе умершихъ, поелику мрачное, бѣдственное и призрачное существованіе ихъ въ шеолѣ не заслуживало имени безсмертія». Ср. и въ прим. 25 на стр. 720.

³⁵) Проф. П. А. Юнгеровъ, Ученіе В. З. о безсмертіи души, стр. 46.

³⁶) De bello jud. II, 8: 14 у B. Niese VI (Berolini 1894), p. 185—186.

³⁷) Antiqu. XVIII, 1: 3 у B. Niese IV (Berolini 1890), p. 142.

³⁸) См. и E. Grünebaum, Die Sittenlehre des Judenthums, S. 153—154: «Die leibliche Auferstehung die Pharisäer zur Ausgleichung der göttlichen Gerechtigkeit bei dem oft vorkommenden Leiden des Frommen schon hienieden für nöthig hielten (ср. у Dr. J. Hamburger, Real-Encyclopädie für Bibel und Talmud I, Strelitz 1870, S. 128)... Bedenkt man aber, dass dieser Auferstehungsglaube gerade zu den Zeiten, da das Volk im tiefsten Drucke schmachete, besonders in den Vordergrund trat, so begreift man leicht, dass derselbe sich bei den Pharisäern mit dem Messiasglauben verbinden (s. Ikk. IV, 30) und die Hoffnung auf eine Auferstehung des ganzen leidenden Volkes in sich schliessen konnte». 166: «Und wenn auch die

ственно, что все вышемірное являлось тутъ добавочнымъ и служебнымъ—въ мѣру фактической надобности, которая бывала различна и не всѣми чувствовалась одинаково. Поэтому и въ пышномъ символизмѣ эсхатологическихъ чаяній іудейской апокалиптики не замѣчается сіянія свѣта божественнаго. Напротивъ, „авторы всѣхъ подобныхъ предсказаній желали въ сущности одного: дать притѣсненнымъ евреямъ предметъ надежды еще на землѣ, сдѣлать ихъ стойкими въ борьбѣ“³⁹⁾).

По всѣмъ отмѣченнымъ причинамъ неоспоримо, что эсхатологическій элементъ не былъ эссенціальною и производною частію раввинскихъ номистическихъ воззрѣній⁴⁰⁾. Оторвавшись отъ почвы откровенія и подчинивъ его одностороннему юридическому принципу адекватнаго воздаянія, іудейская теологія осталась вѣрною себѣ и въ этомъ пунктѣ. Всѣ отдѣльные моменты претворялись ею въ собственномъ духѣ и допускались лишь по теоретической потребности и для законченности системы. Она оказывалась въ коллизіи съ повсюднымъ опытомъ жизни, и голосъ его обращалъ особенное вниманіе потому, что вносилъ удручающій диссонансъ въ гармонію законническаго самоублаженія. Эсхатологическія проблемы разрабатывались больше по доктринальнымъ интересамъ номистической логики, и въ этомъ отношеніи можно, пожалуй, согласиться, что, напр., ученіе о воскресеніи мертвыхъ было школьнымъ мнѣніемъ и покоилось на отвлеченномъ книжничествѣ⁴¹⁾. Разумѣется, въ этомъ случаѣ послѣднее спасало себя отъ кру-

Lehre des Pharisaismus von der „Auferstehung“ der Leiber nach dem Tode zur Ausgleichung der Leiden der Gerechten im gegenwärtigen Leben eine Geburt der traurigen Zeit war, aus fremden Boden herübergenommen, in dem Siege ihrer Lehre selbst feierten sie die wahre Auferstehung, die Auferstehung des Geistes, die zu allen Zeiten gefeiert wird, durch welche überall die „Denkenden (Maskilim) glänzen wie der Glanz des Himmels, wie die Sterne immer und ewig;“ die Auferstehung, die der Prophet verkündigt, die dem toten Gerippe wieder Leben gibt, wenn „Gott, der Herr, seinen Geist ihm einhaucht“. Ср. въ прим. 16 на стр. 717.

³⁹⁾ Адольфъ Франкъ, Фарисеи въ журналѣ «Восходъ» 1896, IX, стр. 83.

⁴⁰⁾ Ср. Prof. M. Lazarus, Die Ethik des Judenthums, S. 141: «Man kann mit aller Bestimmtheit behaupten, dass die Ausbildung vom Jenseits und der Seligkeit... noch eine sehr dürftige ist», что примѣняется и къ позднѣйшему иудейству.

⁴¹⁾ Такъ Prof. H. Schultz въ Alttestamentliche Theologie (Göttingen 1889), S. 762—763: «sie (die Auferstehungslehre) eine Lehre der Schule war und auf Schriftgelehrsamkeit ruhte».

шенія и должно было ограждать все побочное, ибо этимъ поддерживалось главное. Но въ то же время не забывалось и случайное происхожденіе эсхатологическихъ представлений подвліяніемъ тяжелыхъ жизненныхъ условий ⁴²⁾. Это былъ членъ привходящій, и на его точнѣйшемъ раскрытіи неизбѣжно отражались всѣ историческія осложненія. И если будетъ рѣзко ⁴³⁾ заключеніе, что онъ „воспринять изъ чужой почвы“ ⁴⁴⁾, то нельзя отрицать постороннихъ воздѣйствій на развитіе его въ іудействѣ—преимущественно въ эпоху Вавилонскаго плѣна, когда были усвоены соотвѣтствующія стихіи парсизма ⁴⁵⁾ въ дополненіе къ даннымъ божественнаго откровенія ⁴⁶⁾. Разъ это было допущено,—фарисейство, естественно, поспѣшило запечатлѣть идею воскресенія анаемой на отрицателей ⁴⁷⁾. Равно вѣроятно, что этому приговору покорилось большинство, такъ

⁴²⁾ Ср. *E. Petavel-Olliff*, *Le problème de l'immortalité I* (Paris 1891), p. 108. См. и въ прим. 38 на стрн. 722—723.

⁴³⁾ См. даже *Er. Stave*, *Ueber den Einfluss des Parsismus auf das Judentum*, S. 169: «Der Auferstehungsbegriff keine direkte Entlehnung, sondern ein innerisraelitischer Begriff ist, der auf dem Boden eigener Erfahrungen gewonnen wurde». 203: «Der Begriff der Auferstehung keine direkte Entlehnung aus dem Parsismus ist... Die Entwicklung ist vielmehr als eine rein innerisraelitische aufzufassen, bei der man, auf der Grundlage der alten psychologischen Voraussetzungen über das gegenseitige Verhältnis von Seele und Körper zu einander (ср. прим. 16-е на стрн. 717) und infolge der mit Jeremia und Ezechiel beginnenden Individualisirung der Religion, das, was früher für das ganze Volk geltend war, auf das Individuum überführte und damit das Individuum selbst an die Stelle der Gesamtheit setzte».

⁴⁴⁾ *E. Grünebaum*, *Die Sittenlehre des Judenthums*, S. 108, и ср. въ прим. 38 на стрн. 723.

⁴⁵⁾ См. *Aug. Wünsche*, *Der lebensfreudige Jesus der synoptischen Evangelien*, S. 338, 1. Das Leben nach dem Tode von *N. F. Carstensen*, deutsch vom *Emil Jonas* (Lpzg 1886), S. 27. Lic. Dr. *W. Haller*, *Die Lehre von der Auferstehung des Fleisches bis auf Tertullian* въ «*Zeitschrift für Theologie und Kirche*» II (Freiburg i. B. 1892), 3, S. 277. *Er. Stave*, *Ueber den Einfluss des Parsismus auf das Judentum*, S. 179. 189. 194. 195. 202. 203.

⁴⁶⁾ *H. Schultz*, *die Voraussetzungen der Unsterblichkeit*, S. 237 къ Дав. XII, 2 и ср. 13; см. еще прим. 43.

⁴⁷⁾ *Sanhedrin X*, 1 у Prof. *Emil Schürer*, *Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi II*: zweite Auflage, Lpzg 1886, S. 324; dritte Auflage *ibid.* 1898, S. 392. Dr. *J. Hamburger*, *Real-Encyclopädie des Judentums III*, 1, Lpzg 1896, S. 56. Ср. выше въ главѣ 4-й трактата II-го на стрн. 286—287.

какъ тутъ былъ счастливый выходъ среди тягостнаго разлада ⁴⁸). Впрочемъ, не менѣе ясно и то, что по сравненію съ началами номизма всѣ эти истины приобрѣтали соподчиненное значеніе и не были абсолютно обязательными. Посему саддукейство, не скрывая своего эсхатологическаго скептицизма, возвышалось до религіознаго верховенства въ народѣ и становилось первѣйшимъ блюстителемъ національныхъ святынь, а новѣйшіе писатели-евреи не усваиваютъ безсмертію и воскресенію непреложной догматической важности ⁴⁹).

Получивъ теоретическое возобладаніе больше по внѣшнимъ причинамъ, возрѣнія на загробную участь людей находили въ іудейскомъ богословіи и аналогичное обоснованіе. Точною отправленія служила мысль о неразрывности добродѣтели и возмездія, какъ акта и его рефлекса ⁵⁰). Но въ первомъ отношеніи номизмъ достигъ крайне увлекательныхъ результатовъ, поскольку всѣхъ своихъ адептовъ вдохновлялъ непоколебимою увѣренностію въ религіозно-моральномъ процвѣтаніи ⁵¹).

⁴⁸) Поэтому *А. Я. Гаркави* не безъ права полагаетъ (Историческіе очерки караимства. Изъ этюдовъ о еврейскихъ сектахъ), что «остатки саддукеевъ приняли потомъ вѣру въ безсмертіе души» (см. «Восходъ» 1897, V, стрн. 127). Ср. *A. Geiger*, *Urschrift und Uebersetzungen der Bibel*, S. 132.

⁴⁹) См. *А. Брагинъ*, Къ вопросу о реформѣ въ области еврейской религіи въ журналѣ «Восходъ» 1896, VIII, стрн. 24: «Глубокое изученіе талмудической литературы и исторіи докажутъ (?) намъ, что. 1) вѣра въ возмездіе за гробомъ, 2) въ воскресеніе мертвыхъ и 3) въ пришествіе Мессіи—не могутъ считаться элементами (?) іудейской религіи». Нѣчто подобное приписывали и Маймониду, но *А. Я. Гаркави* передаетъ его взглядъ въ томъ смыслѣ, что «обѣщанное воскресеніе мертвыхъ должно происходить въ мессіанскую эпоху, а не въ періодъ будущаго міра, когда, по мнѣнію самихъ раввиновъ въ Талмудѣ, будетъ только (?) чисто спиритуалистическое существованіе» (Новыя данныя изъ Маймонидовской литературы въ журналѣ «Восходъ» 1898, V, стрн. 30). Значитъ, воскресеніе мертвыхъ Маймонидъ допускалъ: *S. Schechter*, *Studies in Judaism* (London 1891), p. 199.

⁵⁰) Въ *Маасеръ Шени* V, 13 по переводу *Н. Переферковича* Талмудъ I, стрн. 337 читается: «Мы (евреи) исполнили Твои приказанія,—исполни и Ты (Боже) Свои обѣщанія».

⁵¹) Это достигалось тѣмъ легче, что—по іудейскому сужденію (*Д-ра Л. Каценельсона*, Фарисеи и саддукеи въ журналѣ «Восходъ» 1898, X, стрн. 33)—«Моисеево законодательство, первоначально имѣвшее характеръ государственной конституціи, предписываетъ или запрещаетъ

Въ немъ рядовой членъ народа безпрепятственно могъ покрывать свои моральные недочеты ⁵²⁾ и легко возвышался до юридической правоспособности на обязательную оплату всякими благами ⁵³⁾ даже чрезъ самыя земныя злополучія ⁵⁴⁾.

своимъ послѣдователямъ тѣ или другія внѣшнія дѣйствія и поступки почти не касаясь внутренняго міра человѣка, его помысловъ и ощущеній во время этихъ предписаній. Правда, въ основаніе всего законодательства положено чувство любви... Но это только вообще; въ частности же законъ, описывая, напримѣръ, жертвоприношенія, вовсе не касается того, что долженъ и чего не долженъ думать или чувствовать жертвователь. Это всецѣло предоставляется его субъективному религиозному настроенію». Отсюда видно прежде всего, какъ мало обязательной несомнѣнности въ толкованіи *M. Lazarus*'а (*Die Ethik des Judenthums*, S. 133), будто принципомъ іудейской морали было правило: «alles was ihr thut, sollt ihr nicht thun als nur aus Liebe». Затѣмъ одинаково ясно, что теперь все дѣло сводилось къ пунктуально-механической законоисполнительности по раввинской системѣ, когда—съ одной стороны—«по молитвамъ человѣка можно опредѣлить, невѣда онъ или ученый» (Тосефта, Берах. 1, 5 у *Н. Переферковича* op. cit. I на стрн. 6) и когда—съ другой стороны—позднѣйшія интерпретаціи стали выше Писанія (ср. *A. Edersheim*, *The Life and Times of Jesus I*, p. 97, и у о. М. П. Фивейскаго на стрн. 124, 1), поглотили самую Тору, почему р. Тарфону говорили: «ты достоинъ былъ лишиться жизни за то, что пресгупилъ слова школы Гиллеля» (Берахотъ I, 3 *ibid.* I, стрн. 5). Богооткровенныя намѣренія религиозно-моральной педагоги Моисея всецѣло подавляются скрупулезною мелочностію раввинизма и принижаются до требованія простой наружной точности выдержаннаго приличія.

⁵²⁾ Замѣтимъ, что іудейство допускало до семи классовъ праведниковъ (*G. H. Dalman*, *Die Worte Jesu I*, S. 93), но всѣ члены, будучи связаны между собою неразрывно (ср. прим. 19-е въ главѣ 4-й трактата II-го на стрн. 285), являлись «поручителями другъ за друга» (*M. Lazarus*, *Die Ethik des Judenthums*, S. 358), почему въ результатѣ имѣемъ такой счастливый выводъ (*Vaj. R. cap. 30* у *M. Lazarus* *ibid.*, S. 327): «Es gibt unter den Menschen gute und schlechte; Gott aber spricht: sie, die Menschen, sollen Alle miteinander zu Einem Bunde verknüpft werden, damit die Einen die Anderen sühnen, entsündigen».

⁵³⁾ Ср. Prof. *Antonius Hulsius*, *Theologia judaica de Messia* (Bredae 1653), p. 19: «juxta Rabbinorum dogmata, Nullum bonum opus perit judaeo, omnis judaeus habet partem in seculo futuro», а потому и «omnis Israel particeps erit futuri seculi» (p. 31).

⁵⁴⁾ Согласно р. Юдану (по *Vaj. R. cap. 30* у *G. H. Dalman*, *Die Worte Jesu I*, S. 96)—Господь сказалъ Давиду: «если ты нуждаешься въ жизни, то нуждаешься и въ страданіяхъ». Поэтому іудейство вѣровало, что «Богъ желаетъ быть связаннымъ съ человѣкомъ въ страданіи и страдать вмѣстѣ съ нимъ» (см. у *M. Lazarus*, *Die Ethik des Judenthums*, S. 261). Ср. выше стрн. 289 сл. въ гл. 4-й трактата II-го.

Тутъ было абсолютно безспорно, что весь Израиль спасется ⁵⁵). Мы знаемъ, что для устраненія фактическихъ препятствій найдено было пригодное средство въ особомъ приспособленіи мессіанскаго идеала, который сглаживалъ наличныя шероховатости. Избавитель долженъ былъ выравнивать ихъ, уничтожить преграды и очистить атмосферу, чтобы энергія іудейской праведности не задерживалась въ своемъ благотворномъ вліяніи ⁵⁶). Для раввинизма ожидаемый примиритель былъ только охранителемъ номизма, доставляющимъ неизбѣжное

⁵⁵) См. еще *Charles Tayler, Sayings of the Jewish Fathers*, p. 99 и ср. выше на стрн. 31, 76. 287. 294, 32.

⁵⁶) Между прочимъ, этимъ объясняется, что отъ людей зависѣло, будетъ ли пришествіе Избавителя славнымъ или уничиженнымъ (см. выше въ главѣ 4-й трактата II-го на стрн. 298 сл. и ср. *A. Edersheim, The Life and Times of Jesus I*, p. 107, 1 и у о. М. П. Ойевайскаго на стрн. 135, 2; *G. H. Dalman, Die Worte Jesu I*, S. 201). Но во всякомъ случаѣ Богъ всегда радуется уничтоженію грѣшниковъ (*G. H. Dalman ibid. I*, S. 172), а потому іудеи «ожидали такого Мессію, который совершитъ страшное отмщеніе надъ языческими притѣснителями и учредить земное царство подъ всемирною іудейскою державой» (*Lic. C. Erbes, Der Antichrist in den Schriften des Neuen Testaments* въ «*Theologische Arbeiten aus dem rheinischen wissenschaftlichen Prediger-Verein*», herausgegeben von Prof. D. A. Kamphausen. Neue Folge. Erstes Heft. Freiburg i. B., Leipzig und Tübingen 1897, S. 31). Въ качествѣ національнаго освободителя (*Orello Cone, Paul*, p. 15)—онъ достигнетъ того, что «вспоминанія объ исходѣ изъ Египта отступить на задній планъ предъ воспоминаніемъ объ освобожденіи отъ римскаго ига» (Тосефта, Берах. 1, 10 по переводу *Н. Переперковича I* на стрн. 7). Значитъ, «für das Judentum ein bloss auf sittliche Wiedergeburt hinwirkender Messias eben kein Messias, sondern höchstens ein Prophet gewesen wäre» (Prof. *H. J. Holtzmann, Lehrbuch der neutestamentlichen Theologie I*, Freiburg i. B. und Leipzig 1897, S. 365), и іудейство никогда не усвоило ему права и власти на прощенье грѣховъ (*G. H. Dalman, Die Worte Jesu I*, S. 215). Естественно, что царство Божіе мыслится національнымъ (ср. и *S. Schechter, Some Aspects of Rabbinic Theology* въ «*The Jewish Quarterly Review*» VI, 26 [January, 1895], p. 208), понимается раввинизмомъ чувственно (см. *Ferd. Weber, Die Lehren des Talmud*, S. 346 = *Jüdische Theologie*, S. 362) и въ апокалиптикѣ изображается въ чувственныхъ формахъ (см. у Prof. *F. H. Wallace, Relation of Extra-Canonical Jewish Literature to the New Testament* въ «*Methodist Review*» Vol. LXXIX, No. 5 [September—October 1897: New-York], p. 709—710), почему фальшивы всякія гаданія о заимствованіяхъ Христомъ у фарисейства по данному пункту (*G. H. Dalman, Die Worte Jesu I*, S. 113). Главнѣйшею цѣлю мессіанскаго подвига въ іудейской теологіи всегда считалось политическое освобожденіе, чтобы «въ будущемъ Израильяне обладали вселенною отъ края до края» (*G. H. Dalman ibid. I*, S. 103).

увѣнчаніе. Поэтому къ прежней формулѣ присодинялось новое положеніе, что всѣ Израильтяне войдутъ въ славное царство Мессіи для непрерывнаго пользованія его благами ⁵⁷), которыя давно сохраняются для нихъ на небѣ ⁵⁸). Неограниченность этого сужденія не позволяла никакихъ оговорокъ, потому что иначе колебались бы самыя мессіанскія надежды, разъ онѣ и поддерживались въ интересахъ всеобщаго израильскаго торжества ⁵⁹). Но роковая сила смерти, неумолимая въ прошломъ, оставалась грозною и для будущаго, и ея коса какъ будто подрѣзывала всѣ корни подобныхъ мечтаній. Правда, она приносила умиловивленіе своимъ жертвамъ ⁶⁰), однако имъ, повидимому, не приходилось вкусить плода своихъ доблестей, если не будетъ открыта возможность активнаго доступа къ мессіанской трапезѣ. Условіе это возникало само собою, а рѣшеніе его было еще проще по логической неотвратимости. Здѣсь нельзя было и придумать чего-либо другого кромѣ того, что и умершіе примутъ участіе въ сладостяхъ вѣка грядущаго ⁶¹). Теперь ясно, что въ фарисействѣ воскресеніе мертвыхъ выдвигалось въ качествѣ сопутствующаго момента при возникновеніи мессіанской эпохи ⁶²), которая въ свою очередь вызывалась лишь номистическими за-

⁵⁷) *W. Haller* въ «*Zeitschrift für Theologie und Kirche*» II (1892), 3, S. 280.

⁵⁸) *G. H. Dalman*, *Die Worte Jesu* I, S. 170—171.

⁵⁹) *A. Geiger* по отношенію къ фарисеямъ говорятъ (*Urschrift und Uebersetzungen der Bibel*, S. 132): «*War nun die Lage Israels gegenwärtig nicht eine solche (ideellere), so musste in einem neuen irdischen Aeon, in einer neuen Zeit-Periode und in einer dann eintretenden völligen Umgestaltung der Weltverhältnisse (und das ist ihnen eben blos die zukünftige Welt, nicht etwa ein Jenseits) diese Herrlichkeit sich verwirklichen, und die schon jetzt so enge mit Gott Verbundenen mussten zu jener Zeit wieder auferstehen. Es war ein System, welches die heissblütigeren nationalen Hoffnungen der Pharis. sich bildeten.*»

⁶⁰) Ср. *Alfred Plummer*, *The Gospel according to S. Luke*, p. 535.

⁶¹) См. и *E. Schürer*, *Geschichte des jüdischen Volkes* II², S. 456—457 = II³, S. 542—543: «*An diesem herrlichen Reiche der Zukunft werden nicht nur die in der Welt zerstreuten Glieder des Volkes, sondern auch alle verstorbenen Israeliten theilnehmen. Sie werden ihren Gräbern hervorgehen, um mit ihren beim Anbruch des Reiches lebenden Volksgenossen die Seligkeit des Reiches zu geniessen.*»

⁶²) См. *E. Schürer* *ibid.* II², S. 457, ⁶³ = II³, S. 543, ⁶²: «*aus dem Interesse, am messianischen Reiche theilzuhaben, ist die Hoffnung einer biblischen Auferstehung entsprungen.*» Ср. выше на стрп. 398 къ прим. 360-му въ гл. 4-й трактата II-го.

просами. Будущее возстаніе праведныхъ признавалось именно потому, что безъ этого немыслимо было ихъ увѣнчаніе отъ руки Господней ⁶³). Одно существенно опредѣлялось другимъ, почему для раввинизма безспорно то наблюденіе, что „надежда на воскресеніе плоти первоначально заключалась въ надеждѣ на соучастіе въ славномъ царствѣ Христовомъ, и съ нею связывалось ожиданіе счастливой жизни въ невозмутимомъ блаженствѣ подъ зеленѣющими деревьями, на чудныхъ лугахъ съ весело пасущимися овцами и Ангелами въ бѣлыхъ одеждахъ“ ⁶⁴). Такимъ образомъ ученіе о посмертной судьбѣ людей не менѣе случайно соприкасается и съ дѣломъ Мессіи, потому что не прямо рождается имъ, а требуется для него. Главная опора разсматриваемой доктрины единственно въ томъ, что ею обезпечивается фактическая незыблемость юридическихъ стихій номизма. Лишь онѣ имѣютъ абсолютную значимость; все прочее составляетъ дополнительное подспорье вторичнаго характера, поелику служить добавочнымъ элементомъ для дѣйствія мессіанскаго спасенія.

Таково ли положеніе разсматриваемаго предмета въ благовѣстіи св. Павла?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ съ разныхъ сторонъ намѣчается въ совершенно категорическомъ смыслѣ въ писаніяхъ Апостола. Прежде всего у него въ новомъ свѣтѣ рисуются фактъ смерти и ея отношеніе къ природѣ человѣка. Натурально, какъ существа ограниченныя, люди владѣли только *posse* *poter*, — простою способностію къ достиженію нескончаемой жизни. Но имъ дарованы были всѣ удобства къ фактическому закрѣпленію этой возможности, которая облегчалась для нихъ естественнымъ стремленіемъ и неповрежденною цѣлостностію богозданныхъ силъ. Поэтому ходъ развитія человѣческой личности къ усвоенію вѣчности былъ столь же нормальнымъ, сколько онъ и несомнѣненъ по первоисточнику сознательнаго бытія. Вторженіе смертности являлось незаконнымъ нарушеніемъ гармоничнаго процесса; — тогда и его причина будетъ въ самовольномъ и самочинномъ уклоненіи человѣческой воли отъ предначертаній божественныхъ. Такъ получаемъ, что сначала чрезъ человѣка въ міръ вошелъ грѣхъ, а

⁶³) Ср. *H. Schultz*, Die Voraussetzungen der Unsterblichkeit, S. 246.

⁶⁴) Prof. *Adolf Harnack*, Lehrbuch der Dogmengeschichte I (Freiburg i. B. 1888), S. 141, 1.

потомъ чрезъ него и смерть, возобладавшая во всѣхъ людяхъ (Рим. V, 12), поелику она была неизбѣжнымъ оброкомъ или сопутствующею оплатой грѣховности (Рим. VI, 23). Отнынѣ этотъ факторъ дѣлается главенствующимъ во всей исторіи человѣчества и господственно заправляетъ ея теченіемъ. Однако это владычество уже въ самомъ себѣ носило зародыши своей относительности, ибо жало смерти, сообщающее послѣдней активность универсальнаго и безпощаднаго уязвленія, есть грѣхъ (1 Кор. XV, 56). Тутъ крушеніе второго необходимо влечетъ и принципиальное уничтоженіе первой. Спаситель же навсегда осудилъ грѣхъ во плоти (Рим. VIII, 3), и вмѣстѣ съ нимъ поглотилась смерть (1 Кор. XV, 54) со всею ея державой (Евр. II, 24). Затѣмъ единеніе вѣры съ Искупителемъ производитъ, что и оправданные въ равной мѣрѣ освобождаются во Христѣ Иисусѣ отъ закона грѣха и смерти (Рим. VIII, 2), которая будетъ въ полномъ подчиненіи человѣку (ср. 1 Кор. III, 22). Ясно, что каждый возрожденный благодатію имѣетъ залогъ вѣчности, почему физическое прекращеніе его земнаго бытія показываетъ просто то, что непременно будетъ воскресеніе мертвыхъ (1 Кор. XV, 21). Въ искупительномъ подвигѣ божественнаго Избавителя съ неизбѣжностію заключается вся „антропологическая эсхатология“, и для Апостола языковъ оба момента были абсолютно неразрывны. Иначе нетвердость результата роковымъ образомъ отзовется на причипѣ, и все дѣло Христова рушилось бы безвозвратно, превратившись въ миражъ лжесвидѣтельства суетныхъ обольстителей (1 Кор. XV, 14. 15). По воззрѣнію св. Павла, истина воскресенія Христова безусловно непреложна и обязательна для всего обновленнаго человѣчества, потому что „если нѣтъ воскресенія мертвыхъ, то и Христосъ не воскресъ“ (1 Кор. XV, 13). Это тезисъ принципиальнаго свойства, и онъ покоится на нерасторжимости акта и его эффекта, гдѣ заранѣе обезпечиваются всѣ существенныя слѣдствія. Тогда фактическое ихъ достоинство незыблемо и по своему реальному примѣненію въ предназначенной сферѣ. Поэтому благовѣстникъ снова повторяетъ свою формулу въ качествѣ функционировавшаго начала христіанской жизни, когда говорить о его наличномъ вліяніи съ неменьшею категоричностію: *аще мертвіи не востаютъ, то ни Христосъ воста* (1 Кор. XV, 16).

Выводъ теперь очевиденъ и неотразимъ по своей проч-

ности. Сокрушеніе смерти и предуготовленіе воскресенія были эссенціальными элементами всего искупленія Христова и, будучи натуральными его отраженіями, ограждаютъ самое Голгоеское таинство. Это—лучи свѣта, который въ нихъ живетъ и ими запечатлѣвается. Въ одинаковой степени будетъ справедливо сказать, что Сынъ Божій пришелъ на землю столько же для дарованія людямъ безсмертія, сколько и для погашенія грѣха. Конечно, Его ближайшая цѣль была вторая, но сама она была — скорѣе — побочною и вызывалась лишь ненормальнымъ явленіемъ паденія. Главнѣйшимъ намѣреніемъ неисчерпаемой любви Божіей было возвращеніе людей на путь истиннаго богоуподобленія со всѣми его плодами. Естественно, что съ этой точки зрѣнія упраздненіе грѣховной державы было лишь необходимымъ средствомъ для уничтоженія преградъ. Въ такомъ случаѣ будущее человѣка прямо содержится въ настоящемъ Христѣ и имѣетъ равную важность съ послѣднимъ.

По всему этому мы приобретаемъ научную увѣренность, что эсхатологическія истины для Павла не были второстепенными, нужными лишь въ интересахъ теоретической систематики. Вопросъ рѣшается у него въ обратномъ смыслѣ, и теологическая состоятельность создается на фактической неоспоримости. Апостолъ не развиваетъ аналитически и не привноситъ по логическимъ требованіямъ, а просто утверждаетъ и раскрываетъ. Здѣсь нѣтъ ни мѣста, ни надобности въ постороннихъ источникахъ раввинскаго богословія, которое отпадало само собою. У благовѣстника было реальное основаніе въ искупленіи Христовомъ, и, проповѣдуя его со всею точностію, онъ только констатируетъ совершившееся, какъ дѣйствующій факторъ живой исторіи. Поэтому у него ни мало не усматривается искусственной связи между эсхатологіею и христологіей, — и по рассматриваемому пункту апостольская мысль находится въ непримиримомъ контрастѣ съ раввинизмомъ. Св. Павелъ уже обладалъ въ Господѣ безсмертіемъ для всѣхъ искупленныхъ и созерцалъ въ Немъ будущія судьбы человѣка съ отчетливостію касательно всѣхъ существенныхъ подробностей. Посему его эсхатологическія разсужденія по происхожденію и содержанію имѣли безусловную реально-догматическую силу и не заключаютъ данныхъ фарисейскаго свойства.

А разъ это вѣрно для возникновенія рассматриваемыхъ положеній, то—по естественнымъ соображеніямъ—трудно ожи-

дать противнаго и въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи. Все подобное устраняется принципиальнымъ воззрѣніемъ относительно основнаго смысла и внутреннего характера доктрины воскресенія. Въ іудейскомъ пониманіи она была неизбѣжною акциденціей номистическаго самодовольства. Послѣднее приводило человѣка къ эфемерному убѣжденію въ моральной заслуженности, потому что онъ самобытно и по собственной энергіи возрасталъ въ подвигахъ нравственнаго процвѣтанія ⁶⁵). Понятно, что тутъ соотвѣтственный плодъ равноцѣннаго вознагражденія былъ юридическою необходимостію ⁶⁶), безъ которой вся добродѣтель теряла свой разумъ ⁶⁷). Но людямъ

⁶⁵) Въ этомъ смыслѣ говорилось: «*der Mensch als sittliches Wesen sein eigener Selbstschöpfer ist*» (Tanchuma Kitabo. Levit. R. cap. 35 у *M. Lazarus*, Die Ethik des Judenthums, S. 124)—тѣмъ болѣе, что *jetzer* сама по себѣ не грѣховна (*M. Lazarus* *ibid.*, S. 263. 268) и побѣждается закономъ (*ibid.*, S. 264; ср. выше на стрн. 378 сл.), который надѣляетъ человѣка такою силой, что въ субботу онъ даже «имѣетъ двойную душу» (Bezah 16a у *M. Lazarus* *ibid.*, S. 285, 1).

⁶⁶) Ср. *E. Schürer*, Geschichte des jüdischen Volkes II², S. 326 = II³, S. 394: «Und gerade für das spätere Judenthum ist die sittliche Selbstständigkeit des Menschen ein Fundamentalgedanke, eine Grundvoraussetzung seines gesetzlichen Eifers und seiner Zukunftshoffnung».

⁶⁷) Допуская, что многіе мудрецы Талмуда часто и даже очень часто высказывалъ правило «мѣра за мѣру» (ср. выше прим. 8-е въ главѣ 4-й трактата II-го на стрн. 283), *M. Lazarus* полагаетъ (Die Ethik des Judenthums, S. 131), что это былъ только «педагогическій приемъ» (der pädagogische Gesichtspunkt) по отношенію къ простому, дѣтскому и примитивно—грубому народному сознанію и для смягченіе страданій здѣшней жизни (*ibid.*, S. 279 и ср. у Dr. *J. Hamburger*, Real-Encyclopädie für Bibel und Talmud I, S. 128). Отсюда открывается мѣсто для сужденія, будто — по принципиальному іудейскому убѣжденію — награда добродѣтели и наказаніе порока заключаются въ нихъ самихъ (*M. Lazarus* *ibid.*, S. 135). Однако подобное толкованіе противорѣчитъ всему юридически-компенсативному строю номизма, сущность коего р. Елеазаръ выражалъ слѣдующимъ образомъ: «Послѣ того, какъ Святый — да будетъ Онъ благословенъ! — изрекъ: „вотъ, Я предлагаю вамъ сегодня благословеніе и проклятіе:—благословеніе, если слушаете заповѣдей, а проклятіе, если не слушаете заповѣдей“ (Второз. XI, 26—28),—съ тѣхъ поръ добро и зло не зависятъ болѣе отъ Всевышняго, но отъ самого человѣка происходитъ, что несчастье постигаетъ дурного и счастье получается добрымъ» (Deuteron. [Debarim] Rabbah, cap. [Parasch.] 4 у *M. Lazarus* *ibid.*, S. 135, и у Prof. Dr. *August Wünsche* въ Bibliotheca Rabbinica, Lief. 16 u. 19 [Midrasch Debarim Rabbah], Lpzg 1882, S. 57). Ясно, что здѣсь идея заслуги и возмездія почитается обязательною нормой божественнаго промысленія.

она была заповѣдана Богомъ съ клятвою взаимнаго обязательства, почему увѣнчаніе ея оказывалось несомнѣннымъ помимо и вопреки смерти. Въ іудействѣ будущее возстаніе провозглашается единственно ради нужнаго праведникамъ воздаянія ⁶⁸). И еслибы оно сопутствовало за каждымъ шагомъ благочестиваго съ неуклонностію и смягчало горечь напряженія адекватною сладостію плодовъ, — тогда на лонѣ эвдемоническаго пресыщенія фарисеи могли разлюбить свои выспреннія мечты не менѣе саддукеевъ. Всѣ такія желанія были несомнѣстимы съ кореннымъ условіемъ юридической компенсаціи. Ихъ нормальность и незазорность мотивируются прискорбнымъ отрицаніемъ должнаго въ космической сферѣ ⁶⁹). Отсюда потребность въ новомъ пособіи, которое удовлетворяло бы номистической совѣсти, всецѣло проникнутой чаяніями преизобильной платы отъ щедротъ Всевышняго. Искомое было открыто именно въ воскресеніи, которое въ іудейской теологіи окрашивается густымъ утилитарнымъ колоритомъ. Эта черта, конечно, вошла бы и въ апостольское изображеніе при его генетической связи съ раввинскимъ. Теоретическая предзанятость по данному вопросу неумолимо вынуждаетъ къ признанію совпаденій насчетъ существенной цѣли эсхатологическихъ построеній. И намъ говорятъ, что у св. Павла господствуетъ „чисто іудейская мысль, что ни одно религиозное дѣйствіе не совершается напрасно, но лишь ради приобрѣтенія награды. Измѣнились средства и на мѣсто *ἐργα νόμου* выступаетъ *πίστις*, а цѣль все та же — жизнь. То, что въ древне-іудейскомъ смыслѣ было *ζωή* въ обѣтованной Господомъ Богомъ землѣ, это въ позднѣйшемъ іудейскомъ ученіи

⁶⁸) Воскресеніе умершихъ есть необходимое условіе для вступленія въ мессіанскій вѣкъ и въ этомъ смыслѣ является частію компенсаціи праведниковъ (*«die Auferstehung der Todten ist... ein Theil des Lohnes der Gerechten»*). Поэтому въ Kidduschin 39b говорится: гдѣ при заповѣди показана награда, тамъ при послѣдней разумѣется именно оживленіе, почему не обезпечившій себя будущимъ воздаяніемъ не воскреснетъ, а пребудетъ въ смерти и уже въ ней осужденъ. См. *F. Weber, Die Lehren des Talmud*, S. 372. 373 = *Jüdische Theologie*, S. 390. 391.

⁶⁹) Какъ извѣстно, іудейство вѣровало, что во многихъ случаяхъ заслуги ограничиваются въ этомъ мірѣ только плодами и требуетъ главнаго вознагражденія въ вѣкѣ грядущемъ. См. *Пе а I*, 1 и *Тосефта ibid.* 4, 18 по переводу *Н. Перевѣржовича I*, стрн. 56. 84. Ср. *G. H. Dalman, Die Worte Jesu I*, S. 170, и прим. 74-е въ трактатѣ первомъ на стрн. 36.

является ζωή въ βασιλεία, у Павла—ζωή αἰώνιος... Здѣсь обнаруживается, насколько Павелъ раздѣлялъ сужденія своего времени, по которымъ праведность законоисполненія есть только путь къ полученію преслѣдуемой вѣчной жизни, поелику у него вся разница ограничивается просто удареніемъ на праведности отъ вѣры“ ⁷⁰⁾ съ сохраненіемъ эвдемонистическаго воззрѣнія на будущее ⁷¹⁾).

Формулированное пониманіе защищаетъ всецѣлое тожество конечныхъ эсхатологическихъ стремленій въ іудействѣ и въ апостольскомъ благовѣстіи. Этимъ прямо предполагается близкое единство и въ самыхъ производящихъ мотивахъ, одушевляющихъ чаянія грядущаго ⁷²⁾. Въ противномъ случаѣ они будутъ диспаратны и ихъ внѣшнее сходство окажется весьма далекимъ отъ внутренняго сродства. Разсматриваемый примѣръ съ этой стороны служить скорѣе къ обличенію гипотезы генетической зависимости, потому что основные моменты сравниваемыхъ группъ совсѣмъ неодинаковы. Раввинизмъ почивалъ на лаврахъ заслуги, безусловно допуская способность собственнаго моральнаго преуспѣянія въ подзаконномъ. Св. Павелъ исходилъ изъ непоколебимаго убѣжденія въ суетности и бесплодности человѣческихъ усилій, при ихъ самобытной обособленности и индивидуальной автономности. Начало грѣха возобладало надъ человѣческою природой и извратило ее до того, что она неизмѣнно отрицала самую себя. И Апостолъ съ горестнымъ чувствомъ естественной неотвратимости удостовѣряетъ это для самыхъ лучшихъ, искреннихъ и благородныхъ стремленій. Въ его личномъ опытѣ отражалась вся исторія міра, а онъ при всемъ крайнемъ напряженіи достигъ только непорочности, повергнувшей его въ бездну отчаянія. „Я не понимаю, — пишетъ онъ, — что дѣлаю; потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю... Доброгаго, котораго хочу, не дѣлаю

⁷⁰⁾ *Rich. Kabisch*, Die Eschatologie des Paulus, S. 54.

⁷¹⁾ *Orello Cone* также усволяетъ св. Павлу «the eudemonistic point of view, reward in the life to come for trials endured in the present life» (Paul, p. 427).

⁷²⁾ Самую «парусію» *H. J. Holtzmann* считаетъ средствомъ для восполненія «того недостатка», что безъ нея «die ganze eudämonistische Seite an der alttest.—jüdisch. Reichserwartung war im Austande geblieben» (Lehrbuch der neutestamentl. Theologie I, S. 363), какъ въ іудейскихъ мессіанскихъ ожиданіяхъ конечная «цѣль была эвдемоническая» (см. выше примѣч. 42-е въ главѣ 4-й трактата II-го на стр. 301).

а злое, котораго не хочу, дѣлаю... Когда хочу дѣлать доброе, прилежить мнѣ злое“ (Рим. VII, 15. 19. 21). Человѣкъ рѣшительно безпомощенъ въ независимомъ созиданіи блага. Это безызъятный принципъ, и его фатальное вліяніе убиваетъ всякую энергію во всѣхъ ея приспособленіяхъ фактической моральной борьбы. Въ этомъ кроется вся гибельная трагедія человѣческаго бытія, гдѣ все прекрасное часто бывало лишь натуральною ступенью къ наиболѣе худшему. Въ немъ все держится на сопротивленіи грѣховному деспотизму, который неизбежно обостряется и закаляется непокорностію и протестомъ. Чѣмъ больше усилій, тѣмъ пагубнѣе результаты, тѣмъ глубже пропасть, тѣмъ непрогляднѣе тьма. Поэтому пробужденіе моральнаго самосознанія сопровождается развѣ новымъ бѣдствіемъ, что расширяется поле грѣховной преступности и увеличивается сумма возможностей для ея обнаруженія. Наряду съ этимъ—въ качественномъ отношеніи получается обратное желаемому, потому что отнынѣ грѣховность является осмысленнымъ и неизвинительнымъ поправіемъ вѣлѣній Божіихъ. Спящій звѣрь просыпается и съ ожесточеніемъ возрастающей лютости терзаетъ свои жертвы. Азъ,—говоритъ Апостоль,—*живяхъ кромѣ закона инокда; пришедшей же заповѣди, грѣхъ убо оживе, азъ же умрѣхъ: и обрѣтеся ми заповѣдь, яже въ животѣ, сія въ смерть* (Рим. VII, 9.10). Этимъ самымъ подрывались всѣ корни номизма. Опираясь на принятіи человѣческаго самодержавія, онъ думалъ имѣть жизнь вѣчную въ Синайскомъ институтѣ, какъ дарованномъ Израилю для спасенія. Это и вполне логично, поелику превосходство средства должно было возвышать достоинство дѣйствія. Но для сего обязательно, чтобы находились въ распоряженіи подходящія силы для нормальнаго примѣненія. Неспособность и неопытность необходимо навлекаютъ сугубую опасность на безумнаго смѣлца. Все утонченное искусство здѣсь обращается уже въ прямой вредъ, который увеличивается отъ самаго совершенства орудія. Посему—вопреки раввинизму и къ его религіозному ужасу—св. Павелъ категорически исповѣдывалъ, что законъ есть сила грѣха (1 Кор. XV, 56), а слѣдовательно и виновникъ его союзника въ смерти. И это совсѣмъ не потому, что унижаются божественныя предписанія завѣта. Напротивъ, послѣдній святъ, какъ и заповѣдь свята, праведна и добра (Рим. VII, 12). Значить, тутъ нѣтъ преднамѣреннаго и почестиваго

оскорбленія, но простое констатированіе факта съ разъясненіемъ его существа. Именно потому, что идеаль столь высокъ, онъ поражаетъ своею чистотою, разъ оскверняется, когда долженъ быть соблюдаемъ въ неприкосновенности. Яркій свѣтъ тягостенъ для больного глаза и иногда вызываетъ непоправимую порчу. *Азъ придохъ въ міръ сей, — свидѣтельствовалъ Спаситель, — да невидящій видятъ, и видящій слѣпы будутъ* (Ин. IX, 39).

Апостолъ устраняетъ всякую мысль объ автономности моральнаго прогресса въ человѣчествѣ, почему у него не можетъ быть вопроса и о наградѣ воздаянія въ воскресеніи для вѣчнаго блаженства по іудейско-раввинскому шаблону. Отсюда вытекаетъ, что вѣра его благовѣстія не параллельна законничеству фарисейства ни по возникновенію, ни по смыслу, Она обосновывается на другихъ данныхъ діаметральнаго свойства. Онѣ очевидны и безспорны. Если личность совершенно безпомощна въ своемъ „окаянствѣ“, то для ея спасенія необходимо внѣшнее избавленіе, которое—въ свою очередь—требуетъ всецѣлаго внутренняго воспріятія, ибо безъ него реальное благо останется бесполезнымъ для человѣка. И св. Павелъ благодаритъ Бога Іисусомъ Христомъ, Господомъ нашимъ (Рим. VII, 25), потому что Искупитель возродилъ въ Себѣ человѣческую природу. Но въ такомъ достоинствѣ благодатное обновленіе пока не принадлежитъ людямъ, и они обязаны его усвоить, конечно, путемъ таинственно-натуральнаго общенія съ Избавителемъ, чтобы въ Немъ умереть со своею плотяною грѣховностію и жить въ неизмѣнной святости. При слабости человѣческой здѣсь невозможно ничто иное, кромѣ этого неизмѣннаго сопребыванія въ источникѣ жизни, а она — по самому своему характеру — исключаетъ всякую личную гордость. Поэтому въ распоряженіи оказывается лишь полная самопреданность Христу, дабы съ Нимъ слиться и быть неразлучно. Ясно теперь, что—по своему характеру—вѣра ни мало не совпадаетъ съ закономъ. Второй былъ средствомъ для наилучшаго развитія готоваго, первая создаетъ самое христіанское бытіе, и для нея странны всякія рѣчи о вознагражденіи, разъ ею обусловливается все существованіе. Тогда единственною заботой будетъ поддержаніе полученнаго чрезъ всегдашнее общеніе съ Господомъ. Это дѣйствіе—опять—состоитъ не въ исполненіи чего-либо внѣшняго, до-

ставляющаго праведность. Вся его энергія исчерпывается въ крѣпнущей активности неослабнаго функціонированія. Естественно, что подобное напряженіе сопровождается свойственными плодами, которые относятся именно къ своему перво-виновнику и вырастаютъ только изъ него. Человѣкъ обладаетъ ими не въ силу заслугъ по принципу равнаго возмездія; онъ просто соучаствуетъ въ нихъ, поелику они необходимы. Здѣсь вѣра не есть средство къ жизни, а эта не побочный благопріобрѣтенный результатъ. Они совпадаютъ между собою до точности и обнаруживаются совмѣстно и одновременно. Вѣра выражается въ жизни, жизнь держится вѣрой. Однако все это бываетъ потому, что такимъ способомъ люди срастаются къ присноживущимъ Господомъ и въ Немъ надѣляются свойствами вѣчной жизненности, которая не изсякаетъ и не умираетъ въ нихъ не менѣе, чѣмъ во Христѣ. Поэтому имъ нѣтъ надобности стремиться къ вѣчному, ибо оно дано въ самомъ настоящемъ.

Очевидно, что и съ этой стороны не усматривается у св. Павла іудейско-утилитарныхъ вожелѣній. Тутъ открывается въ новомъ свѣтѣ и его отношеніе къ мессіанству. Избавленіе не было для Апостола привходящимъ моментомъ, потребнымъ для увѣнчанія номистической непорочности. Оно служило основаніемъ самаго бытія, потому что раньше грѣхъ неумолимо повергалъ всѣхъ въ объятія смерти. Ея господство уничтожено Христомъ, и только въ Немъ она прекращается для человѣка, который иначе не можетъ быть. *Еже нынѣ живу во плоти, второю живу Сына Божія* (Гал. II, 20). Отсѣлъ судьба оправданнаго сливалась съ Христовой и будетъ выше всякихъ космическихъ случайностей физическаго прекращенія тѣлеснаго организма. *Мнѣ еже жити, Христосъ: и еже умрети, пріобрѣтеніе есть* (Филипп. I, 21), потому что *животъ нашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ* (Кол. III, 3). Въ такомъ случаѣ наше воскресеніе уже заключается въ Христовомъ и возникаетъ изъ него съ неотвратимостію, гдѣ несомнѣнность перваго ограждаетъ реальность второго и наоборотъ. Это не условіе мессіанскаго торжества и соучастія въ немъ, а его естественный рефлексъ, являющійся непри-нужденно и непреложно. Поэтому возрожденный благодатію не стремится эгоистически къ жизни, если онъ всегда имѣетъ ее въ вѣрѣ. Затѣмъ: ея свойство вѣчности возникаетъ не изъ внѣшняго перенесенія въ новую сферу, но соприсуще ей суб-

станціонально по божественности Искупителя. Посему здѣсь обязательно и будущее возстаніе, разъ смерть оказывается лишь дѣломъ космической миимолетности.

По сказанному безспорно, что у Апостола вѣра, вытѣсня законъ, не просто замѣщаетъ его въ одинаковомъ качествѣ. Она не орудіе къ приобрѣтенію жизни; это—сама жизнь. Но послѣдняя въ Сынѣ Божіемъ нескончаема и потому не можетъ прекратиться въ оправданныхъ. Значить, христіанинъ вѣченъ собственно въ Господѣ и только чрезъ Него преодоливаетъ свою тварную бречность. Онъ же воскресъ, почему и мы не погибнемъ въ могилѣ. По этой причинѣ воскресеніе умершихъ бываетъ необходимымъ результатомъ совершившагося факта, а не служитъ побочнымъ цѣлямъ. Оно прямо содержится въ нашемъ возрожденіи, и вся ревность чловѣка сосредоточивается единственно на обладаніи даромъ Божіимъ. Тутъ животворящимъ началомъ всего обновленнаго бытія является принципъ *да Христа приобрящу* (Филипп. III, 8), чтобы въ Немъ имѣть жизнь и вѣчность, какъ неотъемлемую собственность. Потому они ни коимъ образомъ не бываютъ предметомъ эгоистическихъ надеждъ, ибо *упованіе видимое нпсть упованіе* (Рим. VIII, 24).

Теперь понятно, что жизнь не награда, по неотлучное дѣйствіе вѣры, а вѣчность необходимое ея свойство, обезпеченное въ Искупителѣ воскресеніемъ. Христіанинъ подвизается не для неба, но духомъ онъ всегда тамъ и неизмѣнно готовится его откровеніе въ своемъ прогрессивномъ преобразеніи. Для фарисейства это было внѣшнимъ актомъ созданія благопріятной обстановки, удовлетворяющей юридическимъ запросамъ праведности ⁷³). Они не находили соотвѣтствія въ себѣ и, естественно, всего ожидали отъ Мессіи. Въ

⁷³) Уже однимъ этимъ опровергается критическое толкованіе, будто, проповѣдуя «die verwandlung der gesamten sichtbaren schöpfung aus der vergänglichkeit zur unvergänglichkeit, — in dieser anschauung ist Paulus dem jüdischen bewusstsein angeschlossen geblieben» (C. Holsten, Das Evangelium des Paulus II, S. 131), почему «the idea of the renovation of the earth at coming of the Messiah was derived from the Jewish apocalyptic, just as the idea of a resurrection and a formal judgement came from the Jewish theology» (Orelllo Cone, Paul, S. 449). Достаточно припомнить еще, что—по раввинскому воззрѣнію — «во дни Мессіи физическій міропорядокъ будетъ такой же, какъ и нынѣ», только съ необычайнымъ усиленіемъ производительности и т. п. См. F. Weber, Die Lehren des Talmud, S. 363 = Jüdische Theologie, S. 381.

этомъ случаѣ предъ нами обрисовывается другая черта іудейской эсхатологіи, что въ ней самое блаженство мыслится лишь въ соучастіи съ Избавителемъ въ его побѣдахъ. Все земное оказывалось переходною стадіей, лишенной внутренняго достоинства, и раввинизмъ какъ бы зачеркивалъ его въ своемъ сознаніи, закрывая скудость и тягости наличнаго пышнымъ уборомъ апокалиптическихъ мечтаній. Подобное настроеніе было неизбѣжно въ номизмѣ по закону равноцѣннаго воздаяніа за всякое этическое движеніе; — въ равной степени оно было невозможно при отсутствіи такихъ возрѣній. Тѣмъ не менѣе находятъ отчетливые отголоски его и у Апостола Павла, который яко бы проникнуть былъ чисто іудейскимъ нетерпѣніемъ насчетъ обнаруженія немерцающей славы.

Мы приходимъ здѣсь къ важному пункту ученія касательно идеи „парусіа“ или второго явленія Христа для устроенія нескончаемаго царства святыхъ. Безъ сомнѣнія, здѣсь весьма существенный моментъ, которымъ освѣщаются многія подробности. Съ этой стороны не безъ основанія примѣняли его въ самомъ широкомъ масштабѣ, но крайности этихъ попытокъ достаточно показали, что существо предмета постигается неправильно. Въ разсматриваемомъ частномъ отношеніи заслуживаетъ особаго вниманія только эсхатологическій элементъ. А съ этой точки зрѣнія данное положеніе представляется іудейскимъ потому, что оно имѣло рѣшающее значеніе для религіозно-моральнаго успокоенія благовѣстника, пока онъ не былъ разочарованъ въ своемъ убѣжденіи и не достигъ высшаго разумѣнія будущихъ судьбъ ⁷⁴⁾. До тѣхъ поръ настоящее будто бы теряло всякій смыслъ для св. Павла, и онъ все сосредоточивалъ на внѣшнемъ вторженіи воскресшаго Христа. Въ этомъ видѣ „парусія“ была совершенно іудейскимъ терминомъ, поелику считалась неизбѣжнымъ средствомъ увѣнчанія правды. Однако такое толкованіе, по малой мѣрѣ, тенденціозно и не согласуется съ догматическими принципами Апостола. У него будущее про-

⁷⁴⁾ Cp. H. J. Holtzmann, Lehrbuch der neutestamentl. Theologie II (Freiburg i. B. und Leipzig 1897), S. 187: «Auf diesem Punkte vertritt ämlich Pls das volle und ganze Urchristenthum und steht zugleich dem Judenthum noch so nahe, dass abermals jede Aussicht verschwindet, seine Hinterlassenschaft etwa in das 2. Jahrhundert hinüber zu pflanzen».

никаетъ исторію всѣхъ и каждого и частію создается ими. Для сего довольно отмѣтить его христологическія созерцанія. Они сводятся къ тому, что натуральный человѣкъ есть рабъ грѣха и чрезъ него бываетъ данникомъ смертнаго тлѣнія. Искупитель, уничтоживъ первый, упразднилъ и его дѣйствіе. Этимъ навсегда утверждалась жизнь абсолютной независимости отъ космическихъ ограниченій. Но вѣрою человѣкъ воспринимаетъ это благо въ себя и обладаетъ имъ неотъемлемо. Онъ фактически вѣченъ во всякое мгновеніе своего земного бытія, потому что послѣднее бываетъ отраженіемъ вѣчнаго Сына Божія. Тутъ наличное имѣетъ всецѣлое этическое значеніе и само рождаетъ свои плоды. Оно содержитъ въ себѣ будущее и чуждо нетерпимости къ окружающему, которое не ломается и не крушится насильственно, а либо претворяется, либо отпадаетъ по непригодности. Это лишь внѣшняя являемость, не затрагивающая природы христіанской жизни, которая ничуть не связана съ тѣлеснымъ и матеріальнымъ, поелику держится на иныхъ высшихъ опорахъ. У Апостола эсхатологическія чаянія совсѣмъ не утверждаются на случайномъ въ человѣческомъ нравственномъ поведеніи. Струя вѣчности непрерывно течетъ подъ покровомъ преходящаго и не нуждается въ его скорѣйшемъ исчезновеніи для своей неизсякаемости. Съ другой стороны и грядущее тогда уже не будетъ собственно отдаленнымъ идеаломъ съ отрицаніемъ его въ наличности. Напротивъ, таково эссенціальное качество благодатнаго обновленія, которое само творитъ свои формы. Поэтому недопустима и мысль о коснѣніи, когда все бывающее оказывается моментомъ вѣчнаго, какъ присущаго ему всегда. Естественно, что нетерпѣливость исключается сама собою, коль скоро исходъ обязательно обезпеченъ нормальнымъ ростомъ. Тогда нельзя ⁷⁵⁾ думать, будто Апостолъ сначала ожидалъ „парусіи“ непременно въ предѣлахъ своего земного бытія ⁷⁶⁾. Для этого у него не было ни по-

⁷⁵⁾ Dr. Th. Kliefoth, *Christliche Eschatologie*, Lpzg 1886, S. 230. La vie future d'après Saint Paul par C. Bruston въ «Revue de théologie et de philosophie» 1895, 5, p. 491—492. Das Leben nach dem Tode und die Zukunft des Reiches Gottes von Pastor L. Dahle. Autorisierte deutsche Ausgabe von O. Gleiss. Zweite Auflage, Lpzg 1895. S. 218. Anm. Prof. Wilh. Schindt, *Die Lehre des Apostels Paulus*, Gütersloh 1898, S. 93—94. 104.

⁷⁶⁾ Такъ даже Pastor Heinrich Dieckmann, *Die Parusie Christi*, Geeste-

буждений, ни оснований, ибо откровение Христово не служило вышнимъ восполненіемъ къ фактической недостаточности и не возникало изъ нея съ неизбежностію въ смыслѣ обусловленнаго момента. Если мы припомнимъ значеніе искупительнаго подвига въ благодатномъ возрожденіи человѣчества, то этимъ прямо разсѣются всѣ перетолкованія, часто выдаваемыя съ авторитетностію непреложныхъ истинъ. Оживленіе христіанъ всецѣло и абсолютно предрѣшается возстаніемъ Господа и связано съ нимъ причинною нерасторжимостію. Но само собою понятно, что теоретически второе еще далеко не приводило къ первому, поскольку могло быть чрезвычайнымъ и единичнымъ явленіемъ. По этому своему характеру воскресеніе Спасителя скорѣе устраняло идею всеобщаго человѣческаго воскресенія, и для нея необходимы особые мотивы. Они коренятся въ самой благодатной жизни, какъ негибнущей по ея непричастности смертоноснымъ вліяніямъ. А въ этомъ видѣ она совершенно несамобитна въ насъ и бываетъ лишь по соучастію въ Исккупителѣ, съ Которымъ мы воспринимаемъ всѣ Его преимущества. Поэтому вѣрующій оказывается здѣсь пассивнымъ, и его судьба исчезаетъ отъ человѣческаго взора въ тайнахъ божественнаго промысленія. При такомъ соотношеніи неотразимо, что тутъ все находится въ волѣ Божіей, творящей самое бытіе христіанское и управляющей его ходомъ на всѣхъ стадіяхъ. Человѣкъ не въ силахъ ускорить движеніе или предвидѣть конечное завершеніе ⁷⁷⁾. Съ этой точки зрѣнія Апостолъ противорѣчилъ бы самъ себѣ и колебалъ бы всѣ свои принципиальныя убѣжденія, усвоивъ отчетливую прозорливость арифметической непогрѣшимости ⁷⁸⁾. Естественно, что онъ и не говоритъ въ подобномъ тонѣ даже въ раннихъ своихъ посланіяхъ ⁷⁹⁾,

münde 1898, S. 5. 7—8. 12. 24. 25. 27. 78. См. и C. Holsten, Das Evangelium des Paulus II, S. 129.

⁷⁷⁾ Въ этомъ смыслѣ правильно замѣчаетъ Prof. W. Baldensperger (Das Selbstbewusstsein Jesu, Strassburg 1892, S. 211; ср. H. Dieckmann, Die Parusie Christi, S. 38), что «только второй Мессія можетъ вполне разъяснить перваго и всю законную силу Его выраженій о парусіи».

⁷⁸⁾ Значить, Ed. Zeller (Die Lehre des Neuen Testaments vom Zustande nach dem Tode въ «Theologische Jahrbücher» VI [Tübingen 1847] 3, S. 390) совершенно напрасно усматриваетъ въ «близости парусіи пакостника плоти для догматической предзанятаго экзегезиса».

⁷⁹⁾ Поэтому ошибочно утвержденіе H. Dieckmann'a, будто «вѣрующій христіанинъ перваго времени не считалъ нужнымъ воскресенія, полагая, что онъ не подпадетъ смерти до пришествія Христова» (Die

гдѣ допускается болѣе энергическое отраженіе іудейскихъ стихій.

Это наблюденіе тѣмъ цѣннѣе, что были достаточные поводы высказаться со всею категоричностію. Фессалоники скорбѣли объ умершихъ въ духѣ неимущихъ упованія. Ихъ смущало будущее отшедшихъ братьевъ потому, что этимъ затемнялся вопросъ о прославленіи всѣхъ оправданныхъ, и они сами боялись подпасть этой неизвѣстности въ случаѣ смерти. Все недоумѣніе прекращалось бы безслѣдно при простой ссылкѣ на близость пришествія Христова въ тѣсныхъ границахъ человѣческаго существованія. Однако св. Павелъ не заявляетъ этого прямо, и его рѣчь относится къ другому предмету. Онъ всецѣло сосредоточивается на томъ, что живущіе не предваряютъ умершихъ, а войдутъ въ славное царство Христово совместно, почему равно будутъ наслаждаться его благами. Въ разсужденіяхъ Апостола господствуетъ контрастъ между почившими и оставшимися со стороны ихъ вчлененія въ сонмъ Церкви торжествующей. Посему хронологическія указанія благовѣстника касаются только преемственности моментовъ въ обоснованіи среди людей новаго міропорядка и совсѣмъ не опредѣляютъ времени его наступленія хотя бы съ приблизительною точностію. Отсюда и въ самомъ противоположеніи берутся однѣ общія категоріи, которыя просто иллюстрируютъ должное, но не удостовѣряютъ факта. Такъ какъ дѣло шло собственно о странствующихъ на землѣ, то, находясь во плоти, св. Павелъ и себя причисляетъ къ нимъ для характеристики развиваемой идеи. И онъ — „живущій“ — не предвосхититъ грядущаго подобно всѣмъ прочимъ, потому что абсолютное ублаженіе начнется воскресеніемъ. Исполнится ли это надъ нимъ реально, — объ этомъ нельзя утверждать больше гипотетической возможности. Поэтому „мы живущіе“ ограничиваются „оставшимися“ (ἡμεῖς οἱ ζῶντες οἱ περιλειπόμενοι) ко дню „парусіи“ (1 Фессал. IV, 15. 17) безъ всякаго намека, что изъ среды читателей таковые непременно будутъ ⁸⁰⁾. Значить, въ

Parusie Christi, S. 7). Въ не меньшей степени несправедливо другіе (Th. Kliefoth, Christliche Eschatologie, S. 50—51. Pfarrer Joseph Holl, Die Lehre von der Auferstehung des Fleisches, nach 1 Cor. 15. 13—53 въ «Theologische Quartalschrift» LXV [1883], 2. S. 267) усвояютъ св. Павлу страстное желаніе къ непосредственному пооблегченію при «парусіи» которой онъ ожидалъ въ скорости. Ср. прим. 91 на стр. 746.

⁸⁰⁾ Ясно, что — вопреки Ernst Teichmann (Die paulinischen Vorstellungen

этомъ пунктѣ по крайней мѣрѣ не безспорно, что Апостолъ ожидалъ Христа съ небесъ въ свое время. Текстъ этого не выражаетъ, поелику имъ освѣщается только таинственный мракъ загробной загадочности, разъ усопшіе будутъ прежде другихъ приготовлены къ наслѣдію вѣчному, а пощаженные смертію получать его лишь при сошествіи Господа.

Въ концѣ концовъ апостольская мысль возвращается къ своему исходному тезису, что здѣсь все зависитъ исключительно отъ вѣлѣній верховной воли. Ея планы не подчиняются человѣческимъ расчетамъ и не подлежатъ обычнымъ законамъ. Тогда было бы не менѣе несправедливо думать, что они въ данную эпоху не осуществляются, ибо это опять принижало бы ихъ абсолютность. Понятно, что св. Павелъ по смыслу всей своей догматики не могъ утверждать и обратнаго, будто явленіе Христово въ его время не послѣдуетъ⁸¹⁾. Коль скоро отказъ этого рода былъ имъ формулированъ,—это свидѣтельствовало бы, что его первичныя чаянія, дѣйствительно, были случайнымъ отголоскомъ іудейско-раввинскихъ мечтаній, отпавшихъ въ процессъ логическаго развитія христіанской „системы“. Едва ли нужно упоминать, что подобнымъ толкованіемъ подрывается самое достоинство апостольскаго „Евангелія“, и оно будетъ продуктомъ индивидуальнаго творчества прогрессивной аналитики. Эта важность принципиальнаго свойства относится и къ эсхатологіи, потому что здѣсь отрицательно и окончательно рѣшится, насколько принимало участія въ ея образованіи фарисейское вліяніе. Если „да“, то благовѣстникъ не могъ успокоиться на первоначальныхъ эсхатологическихъ концепціяхъ, отрекшись отъ своего прошлаго и желая быть христіаниномъ. Въ противномъ случаѣ снимается самый вопросъ о чисто раввинистическомъ генезисѣ. Въ какомъ же видѣ обрисовывается апостольское разумѣніе съ этой новой стороны?

von Auferstechung und Gericht und ihre Beziehung zur jüdischen Apokalyphtik, Freiburg i. B. und Leipzig 1896, S. 39)—здѣсь нѣтъ ни малѣйшей реальной параллели съ 4(3) Езд. VII, 28: «ибо откроется Сынъ Мой Мессія (Исусъ) съ тѣми, которые—съ Нимъ, и оставшіеся будутъ наслаждаться четырьста лѣтъ».

⁸¹⁾ Поэтому и для посланія къ Римлянамъ несомнѣнно, что „Pauli Herz ist jetzt nicht weniger jenseitig, als da er den Thessalonichern schrieb“, а «seine Ueberzeugung von der Nähe der Parusie ist dieselbe wie zuvor» (Prof. Wolfgang Friedrich Gess, Christi Person und Werk II, 1, Basel 1878, S. 195).

Обыкновенно допускають аксіоматически, что св. Павелъ на первыхъ порахъ былъ всецѣло проникнутъ идеями „парусіи“, и ими одушевлялись всѣ его миссіонерскіе подвиги. Но протекали годы, а міръ совершалъ свой кругъ съ прежнею косностію томительной монотонности. Въ глубинѣ сердца, естественно, возникало скорбное разочарованіе, и нетерпѣливая совѣсть коварно и неумолимо нашептывала: *отнелѣже отцы упоша, вся тако пребываютъ отъ начала созданія* (2 Петр. III, 4). Между тѣмъ опытъ жизни былъ далеко не радостный, и тяжелые удары судьбы непрерывно сыпались на благовѣстника и ежеминутно грозили сокрушить его скудельный сосудъ. Разверзавшаяся могила уносила свѣтлыя надежды на скорое пришествіе Христова, но Апостолъ инстинктивно удерживалъ ихъ, пока Ангелъ смерти въ своихъ леденящихъ объятіяхъ не сломилъ его энергіи. Этому способствовали осложнившіяся Коринескія отношенія. Намъ нѣтъ надобности разбирать всѣ запутанныя и утонченныя гипотезы критики по этому предмету съ предположеніями объ утраченныхъ письмахъ и о промежуточныхъ визитахъ въ Ахаію самого св. Павла и Тимофея. Довольно замѣтить, что миссіонерскіе труды не дали всѣхъ ожидаемыхъ результатовъ, и глубокое потрясеніе всей Коринеской общины невольно убѣждало въ брэнной слабости. Той порой непосредственныя опасности грозными тучами собирались надъ посѣдѣвшею головою Апостола, и его преклоненное чело — вмѣсто яркаго свѣта солнечнаго — омрачалось зловѣщими тѣнями. Какъ служитель Божій, онъ былъ „въ великомъ терпѣніи, въ бѣдствіяхъ, въ нуждахъ, въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, подъ ударами, въ темницахъ, въ изгнаніяхъ“ (2 Кор. VI, 4. 5). *Въ трудѣхъ множае, въ ранахъ преболѣ, въ темницахъ излиха, въ смертєхъ множащи; отъ іудей пятькратно чєтыредєсѣть разєвъ єдиныя пріѣхъ; трищи палецєю бїєнъ быхъ, єдиною каменни наметанъ быхъ; трикратно корабль опровержєся со мною, — нощъ и дєнь во глубинѣ сотворихъ; въ путныхъ шєствїѣхъ множищєю, бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни бѣды въ мори, бѣды во лжебратїи* (2 Кор. XI, 23—26). Вотъ по истинѣ трагическая исторія апостольской жизни исходъ который былъ уже несомнѣненъ. Наконецъ, въ Асіи постигли благовѣстника ужасныя невзгоды, и — отягченныя чрезмѣрно и сверхъ силъ — онъ не надѣялся остаться въ

живыхъ (2 Кор. I, 8). Это было безповоротное *осужденіе смерти* (2 Кор. I, 9), и отселъ св. Павелъ „всегда носилъ въ тѣлѣ своемъ мертвость Господа Іисуса“ (2 Кор. IV, 10). Въ такой перспективѣ трудно было разгорѣться зарѣ дня Христова, и она погасаетъ на горизонтѣ апостольскаго созерцанія. „Въ этотъ часъ томленія и удрученія предъ Апостоломъ открывается какъ бы видѣніе мученика. Онъ кровію долженъ запечатлѣть проповѣдь своего Евангелія, и — подобно Учителю — ученикъ восторжествуетъ лишь уничиженіемъ и скорбію“ ⁸²⁾. *Per crucem ad lucem*—это была неотразимая вѣроятность охлаждавшая всѣ апокалиптические порывы ⁸³⁾.

Наряду съ этимъ и миссіонерскія наблюденія были не менѣе плачевны. Искупленіе требовало всецѣлаго перерожденія съ возсозданіемъ новаго человѣка во всѣхъ облагодатствованныхъ, дабы они были достойны святости царствія Божія. Посему обращенные рисовались сначала благовѣстнику въ самыхъ свѣтлыхъ чертахъ, и грѣхъ рѣшительно изгонялся изъ общества спасенныхъ. Но чѣмъ дальше шла жизнь, тѣмъ неустойчивѣе потухалъ пламень „первой любви“ призванныхъ, а вмѣстѣ съ этимъ отчетливо выступали мрачные тоны. Зло, притихшее на время, потомъ широкимъ потокомъ разливается среди христіанъ и пріобрѣтаетъ такую активность, что было бы положительнымъ самоослѣпленіемъ мечтать о его быстромъ исчезновеніи. Галатія, Асія, Македонія, Ахаія — всюду предъ нами неразумныя дѣвы, не приготовленныя для чертога брачнаго. Для нихъ явленіе Господа для отмщенія въ пламени ющемъ огнѣ грозило бы наказаніемъ вѣчной гибели отъ лица Его и отъ славы могущества (2 Тессал. I, 7—9). Понятно, что Апостолъ не могъ желать этого и вынужденъ былъ разстаться со своими упованіями насчетъ „парусіи“ ⁸⁴⁾.

Итакъ: старое рушилось, но сохранялась вѣра, доставляющая людямъ господство надъ смертію. Тогда ея физическое прираженіе будетъ чисто внѣшнею случайностію, не затрогивающею христіанскаго бытія. Скорѣе, это благодѣтельный

⁸²⁾ Ср. *Aug. Sabatier, L'Apotre Paul, 157² = 182³.*

⁸³⁾ См. *Aug. Sabatier, Comment la foi chrétienne de l'apôtre Paul a-t-elle triomphé de la crainte de la mort?* въ «*Revue chrétienne*» 1894, No. 1, p. 6. Ср. *Rev. Prof. A. B. Bruce, St Paul's Conception of Christianity, Edinburgh 1894, p. 383, и въ «The Expositor» 1894, X, p. 303.*

⁸⁴⁾ См. *E. Teichmann, Die paulinische Vorstellungen von Auferstehung und Gericht, S. 39 ff.*

факторъ, избавляющій насъ отъ оковъ брэнной призрачности съ ея обманчивыми утѣхами и слишкомъ реальными тяготами. Въ такомъ случаѣ тѣлесная кончина оказывается прямымъ переходомъ къ вѣчности. Но ее мы имѣемъ въ Искупителѣ, почему тотчасъ за прекращеніемъ физическаго существованія послѣдуетъ приведеніе ко Христу. „Эсхатологическія идеи Павла, бывшія у него до конца перваго посланія къ Коринѳянамъ, со второго исчезаютъ или преобразуются. Съ этого момента онъ болѣе не надѣется увидѣть живымъ пришествіе Господне. Славная парусія, суживавшая въ его глазахъ горизонтъ будущаго, отодвигается въ неопредѣленность, и Апостолъ зрѣтъ предъ собою мученичество и за нимъ общеніе съ Господомъ“⁸⁵). Соотвѣтственно нѣкоторымъ фарисейскимъ аналогіямъ“⁸⁶) рождается⁸⁷) „надежда на непосредственное соединеніе со Спасителемъ“, и здѣсь „христіанскій спиритуализмъ господствуетъ по всей линіи“⁸⁸). „Среди грубыхъ и тяжелыхъ глыбъ іудейской апокалиптики—подобно неожиданному ростку—возникаетъ у благовѣстника новая мысль“, что „въ немъ обитаетъ Духъ Божій, непреходящій залогъ вѣчной жизни. Посему жизнь должна восторжествовать надъ смертію и даже въ самой смерти“⁸⁹). Такова „громадная перемѣна“ (un grand changement) и „рѣшительная трансформация (cette transformation décisive) эсхатологіи Павловой“⁹⁰).

Для насъ пока неважны промежуточныя стадіи этого процесса, а о гипотетическихъ причинахъ рѣчь можетъ не прежде, пока будетъ безспоренъ результатъ. Онъ формулируется такъ, будто св. Павелъ предъ лицомъ всякихъ опасностей просто содрогался и страстно желалъ избѣжать смерти до пришествія Господня⁹¹). Потомъ эта надежда все болѣе разруша-

⁸⁵) *Aug. Sabatier*, L'Apotre Paul, p. 155² = 180—181³.

⁸⁶) Ср. *E. Schurer*, Geschichte des jüdischen Volkes II², S. 461 = II², S. 549—550. *Jo. Jac. Wetstenii* Novum Testamentum Graecum I (Amstelædami 1751), p. 810 sequ. (ad Luc. XXIII, 43).

⁸⁷) Ср. и *L. Dahle*, Das Leben nach dem Tode, S. 51. 114. 146. *O. Holtzmann*, Neutestamentliche Theologie, S. 237. По мнѣнію Prof. *O. Pfleiderer*'а (Das Urchristenthum, S. 294), это вторая стадія въ догматическомъ развитіи эсхатологическаго ученія св. Павла.

⁸⁸) *Aug. Sabatier*, L'Apotre Paul, p. 157—158³ = 183³.

⁸⁹) См. *Aug. Sabatier* въ «Revue Chrétienne» 1894, 1, p. 7. 6.

⁹⁰) *Aug. Sabatier* ibid., p. 11, и L'Apotre Paul, p. 155² = 180—181³.

⁹¹) Такое желаніе приписываютъ Апостолу Павлу, напр., Prof. Dr. *Johannes Haussleiter*, Die christliche Zukunftshoffnung im Lichte von I.

лась грубымъ опытомъ жизни, — и Апостоль отказался отъ всякихъ помышлений о „парусіи“ и видѣлъ Христа въ самой могилѣ ⁹²). Во свидѣтельство и оправданіе этого тезиса ссылаются на разсужденія во 2 Кор. V, 1 — 4. Здѣсь свящ. писатель выражаетъ непреклонное убѣжденіе, что — когда наша земная хижина разрушится—у насъ будетъ отъ Бога домъ нерукотворенный и вѣчный. Естественно, что, стремясь облечься въ это небесное жилище, мы воздыхаемъ подъ бременемъ, поелику оно препятствуетъ, чтобы смертное было поглощено жизнью. Такимъ образомъ распаденіе земной оболочки прямо связывается съ вѣчнымъ обитаніемъ у Господа, откуда натурально усердіе къ несравненно лучшему и именно—разрѣшиться и быть со Христомъ (Филипп. I, 23). Теперь спрашивается, есть ли столь неразрывная связь и утверждается ли она въ смыслѣ фактическомъ, а не съ точки зрѣнія одной принципіальной необходимости?

Первое выражается въ словахъ апостольскихъ съ достаточною категоричностію, и вся задача научнаго экзегезиса заключается въ ближайшей и частнѣйшей характеристикѣ. Въ этомъ отношеніи достойно вниманія, что будущее у благовѣстника представляется обусловленнымъ въ предшествующемъ чрезъ *еще разорится*. Если это будетъ, то мы имѣемъ, но очевидно, что теоретически возможно было и обратное, когда все сохранится въ цѣлости. Значить, защитники гипотезы объ изначальномъ увлеченіи Апостола раввинистически пареніями іудейской апокалиптики обязаны допустить, что эти вождельнія не заглохли и въ данную эпоху. При всемъ томъ названное условіе было безспорно для нѣкоторыхъ по самому простому соображенію, что смертность царилла между вѣрующими и на разсвѣтѣ христіанской исторіи.

Kor. 15 (Vortrag gehalten auf der Barmer Pastoralkonferenz am 9. August 1895), Barmen 1895, S. 22. Die Auferstehung und Himmelfahrt unseres Herrn Jesu Christi unter dem Gesichtspunkte einer genauen Unterscheidung des im Betracht kommenden übersinnlichen Glaubens—und empirischen Geschichtsthaten neu erörtert von Pastor *Theodor Korff*. Hauptverhandlung. Halle a. S. 1897. S. 13. 40. *Wilh. Schmidt*, Die Lehre des Apostels Paulus, S. 91. *H. Dieckmann*, Die Parusie Christi, S. 13. Ср. прим. 79 на стр. 741.

⁹²) Ср. Prof. *Willibald Beyschlag*, Neutestamentliche Theologie II (Halle a. S. 1892), S. 266. Prof. *H. H. Wendt* Die Lehre des Paulus verglichen mit der Lehre Jesu въ «Zeitschrift für Theologie und Kirche» IV (1894), 1, S. 15.

Для нихъ формулированное соотношеніе какъ будто остается во всей силѣ. Тутъ особенно дорого, что разрушеніе считается причиннымъ моментомъ будущаго облеченія. Въ анализируемой фразѣ противоплагаются два явленія и между ними отмѣчается самый строгій и непримѣримый контрастъ взаимной адверсативности: наличность одного устраняетъ другое, которое несомѣстимо съ тѣмъ. „Если — то“: въ этихъ границахъ допустима лишь смѣна преемственности съ уничтоженіемъ раннѣйшаго послѣдующимъ. Въ такомъ случаѣ неизбежно получается, что при сохраненіи храмины не будетъ и вѣчнаго жилища. Тогда живущіе были бы обречены на безысходныя стенаніе по сравненію со своими почившими братьями, блаженствующими за гробомъ. Апостолъ рисуется печальнымъ предтечей Гартмана, потому что всѣ христіане желали разрѣшиться для избѣжанія бѣдствій, и имъ не оставалось бы ничего иного кромѣ поголовной насильственной смерти. Не говоримъ о нелѣпости этого неизбежнаго вывода. Его предпосылки не вѣроятны уже потому, что при нихъ св. Павелъ ниспадалъ бы ниже уровня скорбящихъ Фессалоникцевъ, забывая свои категорическія разъясненія *словомъ Господнимъ*, что живущіе только не предваряютъ умершихъ, но славы царствія, несомнѣнно, достигнуть.

По всему этому необходимо думать, что благовѣстникъ въ разсматриваемомъ выраженіи чего-то не договариваетъ ⁹³⁾, признавая его самопонятнымъ. Разумѣемая условливаемость считается безспорною и, конечно, потому, что она достаточно раскрыта читателямъ раньше. И это энергически удостоверяется причиннымъ γάρ въ V, 1, который отсылаетъ насъ къ предыдущему. Тамъ прежде всего сказано, что невидимое для физическаго зрѣнія вѣчно (IV, 18). Въ этомъ своемъ качествѣ и небесное жилище будетъ тѣмъ, что выходитъ за границы естественнаго кругозора. Замыкаясь въ его сферу, мы неизбежно оказываемся въ области видимаго и чрезъ это устраняемся отъ вѣчнаго. Но физическій организмъ держать насъ въ космически осязаемомъ и закрываетъ путь къ незримому. Поэтому мы знаемъ, что, вселяясь въ плоти, отходимъ отъ

⁹³⁾ Въ этомъ пунктѣ особенно справедливо и полезно замѣчаніе W. Fr. Gess'a (Christi Person und Werk II, 1, S. 196), что Апостолъ предлагалъ изъ сокровищницы своихъ созерцаній только въ мѣру потребностей тѣхъ общинъ, къ которымъ онъ писалъ.

Господа, и отсюда стремленіе лучше выдти изъ тѣла и водвориться у Господа (V, 6. 8). Съ этой точки зрѣнія всякое тѣлесное истощеніе — при всей его прискорбности — вдохновляетъ лишь дерзновеніемъ, ибо это — кратковременное и легкое страданіе, которое, ускоряя наше разрушеніе, производитъ въ безмѣрномъ преизбыткѣ вѣчную славу (IV, 17). Подъ покровомъ смертности и тлѣнія совершается таинство возраждающейся и укрѣпляющейся жизни. Оба эти процесса параллельны и въ своей интенсивности обратно пропорціональны. Значить, между ними существуетъ внутреннее соотношеніе, а не чисто внѣшнее совпаденіе простого хронологическаго чередованія. Въ этомъ случаѣ Апостолу не было и нужды напоминать всеобщій фактъ человѣческой бренности, поскольку онъ былъ убѣжденъ въ печальномъ завершеніи даже своего собственнаго странничества. Ясно, что у него мыслится совсѣмъ иное „раззореніе“, которое, имѣя моральное достоинство, служить прочнымъ основаніемъ нерукотвореннаго зданія ⁹⁴). Первое допускается и принимается ради второго, для его произведенія и болѣшей устойчивости. Это есть умираніе этического характера. Посему оно не исчерпывается самимъ собой, но рассчитано на поглощеніе высшимъ, что ему не подлежитъ и бываетъ свободно отъ подобныхъ колебаній. При этомъ условіи „если внѣшній нашъ человѣкъ и тлѣетъ, то внутренній обновляется со дня на день“ (IV, 16), постепенно приобретаая характеръ несокрушимости. Понятно, что онъ и будетъ существовать вѣчно по распаденіи земной храмини. Искомая связь теперь найдена и она заключается въ томъ, что посредствомъ тяжелыхъ испытаній христіанскаго подвига возрожденный отрѣшается отъ космической мимолетности съ ея пагубною суетой и грѣховными миражами, неизмѣнно устрояя въ себѣ обитель вѣчности. Но это бываетъ не по физической необходимости, а единственно потому, что такія бѣдствія постигаютъ поборниковъ вѣры за ихъ преданность вѣчнымъ ея началамъ своего бытія въ божественномъ Избавителѣ. Съ этой стороны всякія скорби христіанскаго званія всегда неизбѣжны и въ каждую минуту остаются одинаково важными, какъ существенные моменты охраненія и обезпеченія себѣ небеснаго наслѣдія. Двухъ отвѣтовъ по этому

⁹⁴) Поэтому *E. Zeller* въ «*Theologische Jahrbücher*» VI (1847), 3, S. 400 понимаетъ 2 Кор. V, 8 въ смыслѣ 1 Кор. XV, 50 и въ обоихъ мѣстахъ не видитъ указанія на непосредственное воспріятіе тѣла.

вопросу не могло быть, и св. Павелъ принципиально не могъ когда-либо думать иначе.

Прецеденты воображаемой эсхатологической метаморфозы дѣлаются крайне сомнительными по своей силѣ и вліянію. Безспорно, что Ефесское пребываніе Апостола сопровожда-лось тяжелыми осложненіями, и *попеченіе встѣхъ церквей* (2 Кор. XI, 28) удручало скорбными заботами его сердце. Смерть постоянно витала надъ головою, а изъ Коринѳа доносились все болѣе зловѣщіе удары. И смятеніе духа усугублялось полнымъ изнеможеніемъ избраннаго воина Христова. Но вытекаетъ ли отсюда, что онъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ надеждъ и пожертвовать исконными убѣжденіями? За рѣшеніемъ обратимся къ посланію къ Галатамъ, которое написано приблизительно въ ту же эпоху. Положеніе благо-вѣстника было ничуть не лучше, и онъ „язвы Господа Іисуса носилъ на тѣлѣ своемъ“ (Гал. VI, 17). Онѣ были неотлучны и всюду сопутствовали ему. Это указываетъ на ихъ непре-рывное нанесеніе отвѣтъ и, конечно, во всякаго рода миссіо-нерскихъ невзгодахъ и страданіяхъ. Послѣднія были тяжелымъ бременемъ, и эта ноша неизмѣнно давила (*βαρύνω*) ослаблен-ныя плечи. При всемъ томъ св. Павелъ называетъ ихъ *τὰ στίγματα*, приравнивая къ знакамъ, выжигавшимся въ древ-ности на (бѣглыхъ) рабахъ, военноплѣнныхъ, преступникахъ, іеродулахъ. У всѣхъ этихъ лицъ они служили печатію и га-рантіей вѣчной, чисто „каторжной“, принадлежности иногда въ почетномъ и больше въ дурномъ смыслѣ. Это качество Апостоль съ неограниченностію усваиваетъ и себѣ, выражая свою всецѣлую приверженность. И она абсолютно безспорна, потому что это раны Іисуса и отличаются свойствами своего прототипа. А человѣческое имя Сына Божія говоритъ намъ о Его человѣческомъ естествѣ, въ которомъ Онъ воспринялъ Голгоескую жертву искупленія и спасенія. Вѣстникъ этого великаго таинства, продолжая миссію своего Учителя, испол-няетъ ее въ точности, почему претерпѣваетъ равную участь внѣшняго сокрушенія и духовнаго возрожденія. Въ этомъ видѣ язвы апостольства столь же неизбѣжны, сколько онѣ и неотразимы по своему высоко христіанскому значенію. Ими запечатлѣваются героическая непреклонность и моральная безупречность во всей своей осязательности, потому что ихъ присутствіе для всѣхъ очевидно въ самомъ фактѣ непрерыв-наго ношенія. Тутъ уже непозволительны никакія дальнѣйшія

недоумѣнія, и благовѣстникъ безповоротно устраняетъ ихъ отъ себя съ безусловностію. Всякія удрученія (κόποις) недопустимы, и никто (μηδείς) не въ правѣ доставлять ихъ въ будущемъ (τὸ λοιπόν) во всѣ мгновенія (τοῦ λοιποῦ) его неизвѣстной продолжительности. Они и незаконны и неестественны, ибо этотъ апостольскій авторитетъ незыблемъ, и его христіанская чистота обнаруживается съ ослѣпительностію для всякаго нормальнаго глаза. Ясно, что всѣ внѣшнія тяготы скорѣе закаляютъ подвижника въ избранномъ направленіи и тверже обезпечиваютъ желанный исходъ. И чѣмъ онѣ энергичнѣе и напряженнѣе, тѣмъ крѣпче, ближе и ощутительнѣе сладостное предвкушеніе славы. При такомъ направленіи отчаяніе самоотрицанія принципиально немыслимо, и въ краткій промежутокъ между первымъ и вторымъ посланіями въ Коринѣхъ св. Павелъ не могъ преобразиться въ своихъ эсхатологическихъ упованіяхъ, оставаясь на прежней точкѣ зрѣнія. Нужно всегда быть вѣрнымъ призванію до смертной самопреданности. Посему благовѣстникъ и нынѣ ревностно старается лишь о томъ, чтобы—водворяясь ли, выходя ли—быть угоднымъ Господу (2 Кор. V, 9), *да и животъ Иисусовъ въ тѣлѣ его явится* (2 Кор. IV, 10). Непрестанное преданіе на смерть служить только къ откровенію жизни Иисусовой въ смертной плоти нашей (2 Кор. IV, 11) и съ этой стороны оно всего менѣе было роковымъ для апостольскихъ убѣжденій.

По указанной причинѣ Ефесскія страданія не были для св. Павла неожиданностію, разстроившею первоначальную гармонию. Такія испытанія необходимы по самому предмету и предусматривались, конечно, издавна, какъ упоминаются и Θεσσαλονικεῖσιν въ Филиппійскихъ поруганіяхъ (1 Θεσσαλ. II, 2). Вмѣстѣ съ тѣмъ они способствовали личному усовершенствованію и были наилучшимъ обезпеченіемъ всѣхъ надеждъ. Ассійскія осложненія непринужденно входили въ желѣзную цѣпь апостольскаго служенія и послѣдовательными звеньями удлиняли ее до золотой двери на небо. Тутъ не было нарушенія, поелику „крестъ“ Апостола всегда озарялся одинаковымъ „свѣтомъ“ Христовымъ.

Модификаціи и метаморфозы оказываются немотивированными и—потому—сомнительными, хотя самые факты довольно безспорны. Но всѣ подобныя тяготы были тѣсно связаны съ благовѣстническою практикой и въ немалой мѣрѣ вызывались ея теченіемъ. Если здѣсь многое зависѣло отъ внѣшнихъ слу-

чайностей — въ родѣ борьбы со звѣрыми въ Ефесѣ (1 Кор. XV, 32), то во всякомъ случаѣ горечь настроенія значительно усугублялась именно смутами и непорядками церковной жизни. Самыя опасности принимались частію для исправленія вѣрующихъ съ прежнею цѣлію, чтобы въ нихъ дѣйствовала жизнь, а въ просвѣтителѣ смерть. Последняя существенно условливается утомительностію безплодныхъ усилій непрерывнаго обновленія оправданныхъ, гдѣ Апостолу приходилось вторично болѣть муками рожденія, пока въ его чадахъ вообразится Христосъ (Гал. IV, 19). Колебанія и моральныя потрясенія обращенныхъ были важнѣйшими факторами его смертельныхъ тревогъ, въ которыхъ и получали свой истинный смыслъ. Однако эти страданія не были сокрушительными для догматическихъ убѣжденій св. Павла, почему нельзя усвоить такого вліянія и всѣмъ производящимъ прецедентамъ. Тогда мы не можемъ и не должны думать, что печальныя наблюденія разныхъ ненормальностей отразились радикальнымъ измѣненіемъ эсхатологическихъ идей. И ранѣе онѣ подвергались не меньшимъ искушеніямъ, поскольку, напр., у Ѳессалоникцевъ было достаточно теоретическихъ заблужденій и этическихъ погрѣшностей. Странно было бы ради нихъ потомъ мучиться до трагическаго кризиса съ разрушеніемъ всѣхъ прежнихъ основъ. Что до интенсивности, то она, конечно, увеличивалась опытомъ разочарованій, но они скорѣе приводили бы къ рѣшительному отчаянію въ самомъ предпріятіи. Между тѣмъ и въ узахъ Рима св. Павелъ утверждаетъ, что благовѣствованіе проповѣдано всей твари поднебесной (Кол. I, 23), какъ ранѣе заявлялъ, что изъ Ѳессалоники слово Господне пронеслось во всякое мѣсто (1 Ѳессал. I, 8). Миссіонерскія надежды сохраняются всецѣло и даже укрѣпляются и расширяются. Ясно, что онѣ ограждены были слишкомъ прочно отъ напора случайностей въ возобладаніи человѣческаго порока среди христіанъ.

Обѣ причины предполагаемой трансформациі эсхатологическихъ чаяній необходимо лишаются роковаго значенія ⁹⁵⁾, приписаннаго имъ въ интересахъ историческаго генезиса „си-

⁹⁵⁾ Значить, правъ Prof. George B. Stevens, говоря (The Pauline Theology, New York and London 1892, p. 343, 1), что «Сабатъ начертываетъ фантастическую картину трансформациі во взглядѣ Апостола на будущее».

стемы“ Павловой ⁹⁶⁾. При всей реальной безспорности — въ нихъ не содержалось элементовъ губительнаго свойства, потому что внутреннее достоинство фактовъ было всегда тождественно ⁹⁷⁾. И оно заключалось въ томъ, что всякія бѣдствія ради Христа только крѣпче связываютъ съ Нимъ, приобщая насъ къ безсмертію Его божества. Поэтому внѣшнее тлѣніе необходимо влечетъ прогрессивное обновленіе *по вся дни* и само себя поглощаетъ. Въ такомъ случаѣ — съ прекращеніемъ земного — мы переходимъ въ область невидимаго. Но это вѣчно, почему — по раззореніи тѣлесной хижины — у насъ уже имѣется нерукотворенное и непреходящее жилище.

Это отрицательное соотношеніе худшаго съ лучшимъ, временнаго съ вѣчнымъ и выражается у Апостола подъ обычнымъ у него (ср. Гал. II, 18) образомъ строительства, гдѣ бременное замѣщается нетлѣннымъ. Правда, рѣчь здѣсь о частномъ явленіи для всѣхъ возможной смерти; тѣмъ не менѣе онъ освѣщается съ принципиальной стороны изъ незыблемыхъ догматическихъ положеній. Отсюда и категорическая убѣжденность непреклонной увѣренности (2 Кор. V, 1: *οὐδαμεν*) показываетъ, что мысль благовѣстника не уклоняется отъ своего пути предъ раскрывшеюся пропастію, а естественно перекидываетъ мостъ съ непринужденностію заранѣе устраненнаго препятствія. Тутъ лишь логическое завершеніе воззрѣнія по равенству его себѣ при всѣхъ космическихъ коллизіяхъ, поелику оно созидается изъ стихій негибнущихъ. Это не вѣзанный скачекъ, но самопонятное слѣдствіе. И подъ новыми формами у св. Павла съ яркостію просвѣчиваетъ прежній пламень исконной истины. Она всюду преломляется съ свойственною ей прозрачністю, не утрачивая своего блеска, ибо выше всего случайнаго. Сила ея въ томъ, что мы таинственно объ-

⁹⁶⁾ Сходно еще, напр., *O. Pfleiderer*: Das Urchristenthum, S. 300; Der Paulinismus, S. 278. Prof. *Paul Wilh. Schmiedel* въ «Hand-Commentar zum Neuen Testament» II, 1 (Freiburg i. B. und Leipzig 1893), S. 239—240.

⁹⁷⁾ Поэтому — съ устраненіемъ мысли о неустойчивости и подвижности догматическаго сознанія Апостола въ промежутокъ между 1 и 2 Кор. (*H. J. Holtzmann*, Lehrbuch der neutestamentl. Theologie II, S. 192—193) — сами собою падаютъ критическія сужденія, будто «die paulin. Gedanken selbst innerhalb des kurzen Zeitraums... im Fluss begriffen sind» (ibid. II, S. 192), а «die paulin. Eschatologie als eine im Fluss befindliche, sogar in kurzen Intervallen erkennbarst voranschreitende Vorstellungsweise darstellt» (ibid. II, S. 195).

единены со Христомъ и сопроникаемся Его свойствами. Съ Нимъ мы избавляемся отъ фатальной смертности и приобретаемъ неизсякаемую жизненность. Человѣкъ теперь не зависитъ отъ чего-либо внѣшняго, утверждаясь всецѣло на вѣрѣ въ Сына Божія. Все космическое, лишаясь собственной цѣнности, само держится на благодатныхъ началахъ и бываетъ для нихъ условнымъ придаткомъ ограниченности всего тварнаго. Его наличность оказывается стѣснительнымъ бременемъ, снятіе котораго влечетъ облегченіе совершенной свободы для разцвѣта залоговъ вѣчности. Значить, и смерть есть ступень къ жизни ⁹⁸). И, высказывая эту аксіому, Апостолъ всего менѣе говоритъ неслыханную новость по сравненію съ прежнимъ упованіемъ. Напротивъ, это конкретная и поразительная иллюстрація его догматической устойчивости въ своемъ первичномъ разумѣніи, что вѣра каждому обеспечиваетъ безсмертіе дѣтей Божіихъ. У нихъ надъ покровомъ временнаго скрывается вѣчное, и нужно только заботиться, чтобы первое не мѣшало второму, а приготавлило его. Космическое пребываніе перестаетъ быть простымъ охраненіемъ физической цѣлости и должно проникаться этическимъ характеромъ созиданія лучшаго въ относительномъ. И этотъ моментъ не забывается подъ давленіемъ мнимаго кризиса треснувшей іудейской эсхатологіи. Св. Павелъ прямо замѣчаетъ, что внѣшнее тлѣніе должно быть неразлучно отъ внутренняго обновленія и до извѣстной степени производить его, чтобы въ самомъ разрушеніи мы имѣли уже вѣчное, которое обеспечено для всѣхъ въ таинствѣ непреложной вѣры. Она же всегда одинакова, потому что бываетъ только Христовой. Естественно, что ея частнѣйшее примѣненіе не будетъ неожиданною оригинальностью. Посему и отношеніе къ факту смерти у Апостола формулируется въ исконномъ духѣ, что она приводитъ насъ къ нескончаемой жизни.

Н. Глубоковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

⁹⁸) Въ этомъ смыслѣ вѣрно, что «выраженія 2 Кор. V, 8 и Филипп. I, 23 должны быть понимаемы за эвфемизмъ смерти»: G. B. Stevens, The Pauline Theology, p. 343.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки